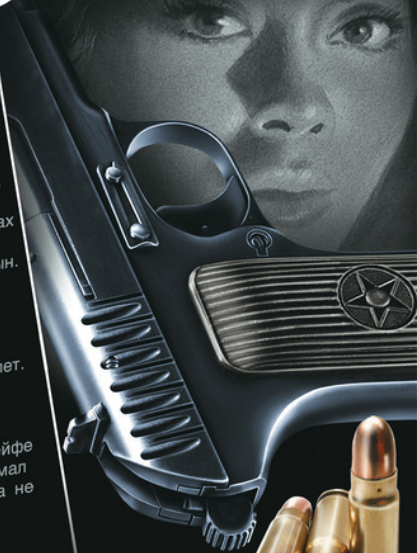

**СЕРГЕЙ
БОРТНИКОВ**

**СТРАДУЮЩЕЕ
СТРОСЮЖЕТ**

Дверь с табличкой "86" была распахнута настежь. В единственной комнатке, маленькой и грязной, гремел старый черно-белый телевизор. Знакомый всей стране голос бодро рассуждал о перспективах экономического роста России. Напротив экрана сидел Синецын. Посредине его лба зияло маленькое отверстие... В пакете с символикой малоизвестной фирмы, как и предполагал майор, был пистолет. "ТТ" — излюбленное оружие киллеров. "Похожий тэтэшник китайского производства лежит в моем сейфе в точно таком пакете, — подумал он. И тут майора осенило, — а не он ли это?"

**ОТОМСТИТЬ
И УМЕРЕТЬ**

Сергей Иванович Бортников
Отомстить и умереть (сборник)
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023633
Отомстить и умереть: Вече; М.; 2012
ISBN 978-5-9533-6226-9

Аннотация

У майора Егоршина одна цель – найти и покарать тех, кто виноват в несчастье, случившемся с его дочерью. Ему все равно, кто находится с противоположной стороны баррикады... А подполковник Гольцов просто выполняет порученное ему задание – так, как он это умеет: честно и виртуозно. Но и его жизнь становится разменной картой в большой политической игре...

В книгу включены новые произведения известного мастера остросюжетной литературы.

Содержание

Отомстить и умереть	4
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Сергей Бортников

Отомстить и умереть (сборник)

Отомстить и умереть

Майор Егоршин терпеть не мог поздних телефонных звонков. Те всегда доставляли ему одни неприятности. Так было в перестроечном 1986-м, когда в авиакатастрофе погиб отец, возвращавшийся домой из долгожданной заграничной командировки, и совсем недавно – в прошлом году, когда от первого же инфаркта скоропостижно скончалась мама. Весть о ее смерти в три часа ночи сообщил младший брат Иван, оставшийся на родной уральской земле. Кстати, тоже оперуполномоченный. Капитан...

Полночь. А выключить сотовый телефон – нельзя. Находиться на связи и днем и ночью велел начальник управления уголовного розыска полковник Ракитский. Он будто предчувствовал беды, грозящие своим подчиненным. И часто оказывался прав...

– Слушаю, – обреченно бросил в трубу Василий.

– Давай быстрее домой...

Звонил не Ракитский – Андрей Шелягов. Майор даже не

узнал сразу голос своего лучшего друга. Так он изменился от волнения и тревоги.

– Что... Что случилось?

– Аня...

– О Боже... Моя девочка... Она жива?

– Приезжай – увидишь. Не могу больше говорить...

– Доложи руководству, что я прерываю командировку...

– Есть!

* * *

Анюте шел шестнадцатый год. Василий воспитывал ее один. Не выдержав суровости «милицейских будней», жена сбежала от него в 2000-м, когда дочке исполнилось пять лет. Поехала отдохнуть, как позже выяснилось, с любовником на Пиренеи – да там и осталась. Вскоре бросила и того. Легализовалась. Вышла замуж за известного испанского винодела, родила ему двоих детей. Теперь звонит Анне раз в полгода... «Как ты, моя кровинка?» Тьфу, сука...

Егоршин заправил койку в гостиничном номере и вылетел в коридор. Разбудил дежурную по этажу и попросил вызвать с городского телефона такси...

В огромной больничной палате Аня была одна. Если не считать Шелягова, дремавшего на свободной койке в дальнем правом углу.

– Ну, докладывай...

– Вчера вечером Анята после тренировки возвращалась домой через городской парк...

– Она всегда ходит напрямик... Поэтому я стараюсь ее встречать. И говорил ведь шефу – нельзя мне в командировку, ан нет, уперся, как баран, «всего на одни сутки»...

– А вот что случилось дальше – сплошной ребус, тайна, загадка. Посуди сам. Деньги и личные вещи у нее не взяли, драгоценности тоже... Кстати, вот они, – Андрей протянул напарнику маленький полиэтиленовый пакетик, в который аккуратно запаковал плеер, часы, цепочку, браслет и кольцо.

– Ее насильовали? – еле выдавил майор.

– В том-то и дело, что нет. Такое впечатление, будто она сама врезалась в дерево и напоролась глазом на сучок. Слава богу, «скорая» приехала мгновенно... Теперь лежит в коме... Знаешь, у моих земляков из Хохляндии «кома» – означает «запятая». А это далеко не точка. И врачи говорят: надежда есть...

– Кто ее ведет?

– Сам заведующий. Шапиро.

– Твоя работа?

– А то чья же?

– Спасибо. Я могу поговорить с ним?

– Конечно. Сейчас в ординаторской – пятиминутка. Сразу по ее окончании начнется обход. Тогда и поболтаете... А я побежал – служба!

– Спасибо тебе, брат.

– Не за что...

* * *

Впервые за долгие годы Егоршину захотелось напиться. Взять бутылку «Зеленой марки», к которой в последнее время пристрастились чуть ли не все его коллеги, и одним махом выплеснуть горячую жидкость в пересохшее горло...

Черт с ним, что пятнадцать лет – ни-ни. Даже пива...

Нет. Нельзя.

Пока он не найдет тех, кто изуродовал его дочурку, – на спиртное табу!

Василий вышел на лестницу и, затянувшись любимым «Винстоном», равнодушно уставился в единственное окно, по которому гулко барабанил теплый летний дождь.

На дворе было пустынно – какой дурак станет гулять в такую погоду? Хороший хозяин собаку из дому не выгонит!

Как вдруг... Внизу громко хлопнула дверь, выталкивая на улицу грузного мужчину в белом халате... Бр-р... Интерес-

но, что заставило его мокнуть. Или кто?

В это же время на пешеходной дорожке, ведущей к приемному отделению, появилась темно-зеленая «тойота-Кэмри», которую майор непременно узнал бы среди тысяч других даже в темное время суток, и медленно поползла к ногам эскулапа. Достигнув цели, остановилась. Правая задняя дверца распахнулась, и доктор, ежась, исчез в чреве автомобиля.

Черт возьми? О чем он болтает с начальником УВД? Уже не о моей ли судьбе?

* * *

Егоршин поднялся в палату и, присев на табуретку у окна, принялся раскладывать на подоконнике личные вещи дочери, заботливо подобранные Шеляговым. Модные кварцевые часы ей подарил на 8-е Марта Гришка Воронов – парень, с которым Аня встречалась не первый год, кольцо прислала на день рождения из Испании мать. А цепочку купил сам Василий... Но что это? На плоскую золотую вязь была намотана еще одна – тонкая и нежная с серебряным медальоном, на котором красовались какие-то то ли знаки, то ли иероглифы, то ли незнакомые чужестранные буквы.

Майор достал из кармана мобильный телефон и резво прошелся по клавишам дисплея.

– Скажи, Андрюха, на ее шее были обе цепочки?

– Нет. Только золотая.

– А серебряная?

– Серебряная лежала на земле. Она порвалась. Может, от удара, может, во время борьбы, если таковая имела место, в чем я лично очень сомневаюсь...

– Аргументируй...

– Анюта вся в тебя, чуть что – сразу в морду... Если бы на нее кто-то напал, на месте происшествия непременно остались бы чьи-то зубы, уши, яйца, а то и оторванные конечности.

– И кто же тебе таких ужасов понарасказывал?

– Можно подумать, ты этого не знал...

– Ладно, согласен – были зубы... Только преступник их... подобрал...

– Издеваешься?

– Нет, просто пытаюсь проанализировать все версии, чтобы отбросить бесперспективные.

– Понял... Анализируй... Отбрасывай... Если нужна моя помощь – звони.

– Чего даром трезвонить? Освободишься – сразу дуй ко мне...

– Ясно.

– До скорой встречи!

О том, что серебряная цепь не принадлежала его дочери (или, по крайней мере, еще вчера ему об этом ничего не было известно), Егоршин решил не говорить никому. Даже лучшему другу. В нынешнее продажное время положиться на

все сто можно только на себя.

* * *

На плечо опустилась чья-то рука.

Майор повернул голову.

Перед ним стоял ладно сложенный, может быть, чуть-чуть полноватый мужчина лет пятидесяти в халате, на котором то тут, то там хорошо были видны влажные пятна – именно этот человек несколько минут тому назад имел честь беседовать с высоким милицейским руководством. Интересно, о чем?

– Я Степан Иванович. Заведующий отделением нейрохирургии, – мягким, вкрадчивым голосом, никак не соответствующим его могучей стати, представился доктор.

– Василий.

– А по отчеству?

– Давыдович.

– Сочувствую. И сразу хочу вас обнадежить. До мозга су-чок не достал. Да и основные показатели у девочки в норме... Так что жить Аня, по всей видимости, будет. Только поврежденный глаз придется удалить...

– Когда она придет в себя?

– А вот этого, голубчик, я не знаю. Анята перенесла тяжелый психологический удар. Шок, последствия которого она будет ощущать всю оставшуюся жизнь...

– Каким образом?

– Депрессии, раздражительность, вспыльчивость, иногда даже немотивированная жестокость, потом амнезия – частичная или полная потеря памяти...

– Черт... Ирка мне не простит...

– Какая Ирка?

– Жена... Бывшая...

– А, – понимающе кивнул Шапиро.

– Она за границей, я воспитываю ребенка один и за это регулярно получаю пилюлей.

– Понятно.

– Составьте, пожалуйста, для меня список препаратов, которые способны облегчить ее участь на данном этапе лечения.

– Хорошо... Как у вас с финансами?

– Можете не щадить мой кошелек. Не хватит – напишу Ирине, она пришлет либо лекарств, либо денег. Да, кстати, о чем вы говорили с генералом Левитиным?

– Экий вы хитрец! «Выпасли» меня, беззащитного...

– Не увиливайте от ответа, Степан Иванович...

– Анатолий Борисович очень обеспокоен судьбой вашей дочери.

– С чего бы это?

– Не знаю. Но он настойчиво просил ежедневно докладывать о состоянии ее здоровья.

– И все?

– Нет. Еще генерал распорядился поставить в палате круг-

лосуточную охрану.

– На каких основаниях? Аня не преступница, не подозреваемая, не ценный свидетель...

– А если неизвестный злоумышленник захочет повторить нападение? Вы об этом не задумывались?

– Какое нападение? Все свидетельствует о том, что произошел несчастный случай... Падая, дочь сама напоролась на этот клятый сучок!

– А вдруг кто-то ее толкнул?

– Все возможно. Дети возвращались с тренировки, дурачились, баловались... Какой в этом криминал?

– Не знаю. Вам виднее!

Доктор отвернулся, красноречиво давая понять, что разговор окончен.

* * *

Оставшись без присмотра, Егоршин подошел к Анюте и принялся тщательно обследовать неподвижное тело. Чуть выше локтя на левой руке дочери красовались два пятна. Свежих, лиловых, не успевших почернеть. Как будто кто-то впился пальцами в ее бицепс и долго не отпускал...

Где это случилось – на тренировке или на аллее парка, Василий, естественно, определить не мог.

Иных следов насилия на теле не оказалось.

Что? Что произошло вчера вечером?

Нападение, на которое намекал доктор Шапиро? Тогда с какой целью? Ограбления? Так ведь ничего не взяли! Изнасилования? Нет, нет и еще раз нет...

Вариант первый... Ребята расходились по домам после тренировки, толкались, Аня не удержалась на ногах и упала. Хулиганы не на шутку испугались и разбежались в разные стороны...

Вариант второй. Что-то вспугнуло ее: человек, зверь, автомобиль... Дочь бросилась в сторону, оступилась и, падая, напоролась на сучок...

Как ни крути – банальное ЧП. Несчастный случай.

Тогда почему дело взял под свой личный контроль начальник УВД? Только потому, что отец жертвы его подчиненный?

Никаких других выводов без осмотра места происшествия сделать было нельзя, и майор решил снова позвонить верному Шелягову.

– Алло, Андрюха, ты на колесах?

– Так точно!

– Давай ко мне в больницу!

– Не могу... Ракитский к себе просят!

– Надолго?

– Это ты у него спроси.

– Ладно. Освободишься – позвони. А я пока топтобусом... В парк. Где это случилось, помнишь?

– Конечно. Зайдешь с центрального входа...

– Ага...

– Свернешь на левую аллею...

– Есть...

– Перейдешь мостик через пруд – и снова налево...

– К зоопарку?

– Да. Не доходя его, справа – огромный ясен. Когда-то под ним мы распивали бутылочку. Семьями.

– Ну, у тебя и память!

– За ясенем – ряд молодых березок...

– Знаю.

– В одну из них и врезалась твоя дочь...

– Понял.

* * *

Найти нужное деревцо труда не составляло – на нем остались следы запекшейся крови.

Василий несколько раз обошел по периметру прилегающую территорию: от ясеня – до зоопарка, от зоопарка – до пруда и разочарованно развел руками. Нигде ничего! Правда, в одном месте он обнаружил на асфальте две черные полосы, явно следы торможения какого-то легкового автомобиля, судя по базе – иностранного производства, но что могли дать они в сложившейся ситуации?

Несмотря на то что при въезде в парк был установлен знак «Пешеходная зона», сильные мира сего и днем и ночью гоня-

ли по узким аллеям на своих крутых тачках. Какая из них тормозила ночью у зоопарка и имела ли она хоть какое-то отношение к тому, что случилось с Анютой, установить не представлялось возможным.

Придя к такому обескураживающему выводу, майор присел на свежий пенек и достал очередную пачку «Винстона». Как Марк Твен, он бросал курить десятки раз, иногда периоды воздержания измерялись месяцами, но спустя какое-то время вредная привычка все равно брала верх...

В это время зазвонил мобильный.

– Ты где? – спросил Шелягов.

– На пеньке от ясеня, под которым мы когда-то пили водку. На месте преступ... происшествия растет совсем другое дерево.

– Не дуркуй, Васек! Ты же знаешь: у меня идеальная зрительная память.

– Когда ты, черт возьми, перестанешь спорить со старшими по званию?

– Как только – так сразу...

– Давай быстрее ко мне!

– Есть...

Егоршин выключил трубу и, наконец-то прикурив сигарету, неспешно двинул навстречу товарищу.

Андрей не стал игнорировать правила дорожного движения – оставил машину у входа в парк и пошел пешком. На мосту друзья встретились.

– Да... Наделала шороху твоя девица...

– Расшифруй...

– Все руководство на ноги поставила! Рахит (так розыскники за глаза называли своего начальника; в управлении ходили слухи, что на заре милицейской карьеры его фамилия звучала менее благозвучно – Рахитский) вообще обнаглел – стал лепить из меня сексота. Чтоб за лучшим другом присматривал!

– За мной?

– А кто у меня лучший друг? За тобой, Василий Давыдович, за тобой...

– Чем мотивировал?

– Мол, кто его знает, что произошло в парке... Неровен час, Егорка найдет виновных и устроит самосуд.

– Я могу.

– Зная твой норов, в этом никто не сомневается.

– Чует мое сердце, что начальству больше нас с тобою известно, Шеля... И это настораживает...

– Почему?

– В нашем деле самым информированным человеком дол-

жен оставаться кто? Правильно – опер. А никак не кабинетная крыса. Выходит, где-то ты недоработал, пока я по командировкам шастал...

– Опомнись, Василий, суток не прошло! Что я мог узнать за это время?!

– Ладно, товарищ капитан... Пока других дел нет...

– Как это нет?

– Целиком и полностью поступаешь в мое распоряжение. Я тут вот что надумал. Скорее всего, Аню кто-то толкнул или напугал. Может, зверь какой из клетки убежал, может, кто-то гулял с собакой, как водится – без намордника... Может, модная тачка летела слишком низко...

– Ты считаешь, что произошел несчастный случай?

– Конечно.

– А Рахит сказал: «Смотри за ним, Андрей Иванович, в оба глаза... А то он его точно укокошит»...

– Вот видишь, что-то наши боссы знают... Что?

– Может, на самом деле лев сбежал из зоопарка или тигр, а они не хотят сеять панику среди населения?

– Неубедительно.

– А может, с собакой гулял кто-то очень крутой или в машине ехал?

– Уже теплее.

– Либо того проще – твою дочурку толкнул мажор, сыночек какого-то влиятельного папика.

– Совсем тепло. Я бы сказал даже – горячо... Обычно ведь

как бывает: случилось преступление, а начальство хочет подать его, как несчастный случай, чтобы не портить статистику. В нашем же случае – все наоборот.

– Точно.

– О чем это говорит?

– Что они хотят вывести кого-то из-под обстрела, подставив «левого человечка».

– И ради этой «высокой цели» пойдут на все...

– На что именно?

– На то, о чем ты подумал...

– Тогда Анюте грозит серьезная опасность.

– Вот-вот... Не зря к твоему Шапиро сегодня Левитин приезжал!

– Ну дела... Сам Анатолий Борисович? Чего он хотел?

– Рассказал сказки о моем буйном нраве и распорядился поставить в палате охрану!

– О, дают суки... Слушай, Вася, надо, чтобы возле нее постоянно находился кто-то свой... Может, вызовешь Ирку?

– Умоляю... Не называй вслух это имя!

– Тогда братца своего...

Иван был уже в дороге, точнее, в полете, но об этом Егоршин решил пока не распространяться.

– Ладно. Что-нибудь придумаю, – бросил небрежно. – Давай в зоопарк, расспроси администрацию, сторожей, а я – в спорткомплекс. Попытаюсь установить, с кем ушла Анюта после тренировки... Встречаемся через полчаса. На этом же

месте.

– О'кей! – согласился Шелягов.

* * *

Спортивный комплекс «Динамо», в котором раньше тренировался он сам, а теперь дочь Аня, стоял прямо на берегу стремительной и чистой речки-невелички. Наверное, поэтому главное внимание его руководство с недавних пор стало уделять водным видам спорта: плаванию, гребле на байдарках и каноэ (для этих недавно прорыли канал), водному поло. Силовые единоборства, к развитию которых в обществе всегда относились «трепетно и нежно», оказались не в чести – слишком мало кубков и медалей в последнее время привозили местные самбисты и дзюдоисты. Некогда шикарный борцовский зал с дорогим паркетом из сибирской лиственницы быстро пришел в упадок, со стен стала осыпаться штукатурка, в подвесном потолке появились первые брешки...

– Вам кого? – раздался сзади зычный бас.

Майор повернул голову.

Напротив него стоял Алексей Никитин – ветеран угрозыска, уволившийся в запас в том месяце, когда Василия приняли на работу.

– Узнаете?

– Нет.

– Я майор Егоршин. Мы с вами служили в одном отделе. Правда, всего несколько недель...

– А... Егорка! Сколько лет, сколько зим? Как я тебя сразу не признал? Впрочем – не мудрено... Ты ведь худой был, как охотничья колбаска, а теперь – вон какая глыба!

– Где пропадаешь? Почему не заходишь?

– Да я только недавно воротился.

– Откуда, если не секрет?

– Из Беларуси... Моя красавица родом из под Гродно. И ни ногой из родной деревни, несмотря на все мои уговоры. Впрочем, понять ее можно... Бацька для сельчан все условия создал. Трудись – не ленись... Но не царское это дело в земле ковыряться! Вот я и сбежал на историческую родину. Пока обосновался, нашел посильную работенку.

– А твоя... Как ее...

– Наташа? Она там осталась. С детьми-внуками. Мы не развелись. Так. Разбежались на некоторое время. По обоюдному согласию...

– Ясно...

– Ты по делу али как?

– По делу, Алексей Витальевич. Вчера вечером с моей дочерью случилось несчастье. Сейчас она в реанимации...

– Я-то тут при чем?

– Аня возвращалась домой после тренировки. И не дошла.

– У кого она занимается?

– У Олега Владимировича.

– Он будет только вечером...

– У тебя есть его номер?

– Да, сейчас найду...

Никитин достал мобильный и углубился в телефонную книгу.

– А, черт, – раздосадованно бросил спустя минуту. – Чего я мучусь? Вон список на стене... Строев его фамилия.

Егоршин по старинке записал номер в блокнот и протянул руку для прощания.

– Ты заходи, – сказал при этом. – Не зазнавайся!

– А чего мне у вас делать? – пожал плечами Никитин. – Там, наверное, из стариков никого больше не осталось.

– И то правда... Раньше меня в управление только Рахит пришел.

– Кто-кто?

– Петр Петрович...

– А... Рахитский... Мы его называли Петр Великий. За барские замашки, карьеризм, стремление руководить вся и всеми... Высоко залетела эта птица?

– Как по мне – не очень... Начальник управления УГРО. Полковник.

– Видно, кто-то обломал ему крылья... Честно говоря, я думал, что Рахит – давно генерал, большой начальник в министерстве. Ну, ладно, будь здоров! Да... Вчера вечером дежурил не я. Пашка Синицын. Ты должен помнить. Он в охране служил.

– Когда?

– Лет тридцать тому назад.

– Я в то время под стол бегал!

– И то правда... Запомни его телефон. Домашний. Очень просто... Первая – пятерка, за ней одни двойки.

– Спасибо!

* * *

Шеля стоял возле деревянной будки, в которой продавались билеты в зоопарк. Правда, желающих посетить с утра сие заведение культуры почему-то не находилось, и молодая кассирша откровенно дремала за стеклом. Рядом с капитаном отчаянно жестикулировал круглолицый мужчина лет сорока – директор зоопарка Абрамян, его холеную рожу Егоршин не раз видел по телевизору – тот был местной знаменитостью, звездой экрана, сочувствующие журналисты просто обожали «главного энтузиаста фауны и флоры», «хранителя нетронутой живой природы» и с удовольствием посвящали ему целые передачи.

– Иди сюда, – позвал Андрей. – Знакомься...

– Ашот Геворгович, – протягивая руку, наклонил голову директор.

– Василий...

– Он утверждает, что все животные находятся на своих местах, – коротко подытожил суть предыдущего разговора

Шелягов. – И действительно – пустых клеток в зверинце нет. Я проверял.

– Поймите, господин Абрамян, – не сдавался Егоршин. – Это не обязательно должен быть хищник. Питон, зебра, большая птица – много ли надо, чтобы испугать ребенка, тем более девочку?

– Нет. Наши питомцы никогда не покидают свои вольеры, – в очередной раз клятвенно заверил Ашот. – Вот разве что собаки...

– Какие собаки? – схватился за нить Василий.

– Бездомные. Три из них живут в зоопарке...

– И легко могут выбраться за его территорию?

– Забор для них – не преграда. Тем более в темное время суток, когда по парку бродят целые стаи брошенных псов... Наши запросто могли присоединиться к ним. Но, надеюсь, вы не станете вменять нам в вину такое поведение животных?

– Нет, конечно. Мы просто хотим понять, что здесь случилось вчера вечером?

– Так, может, ночной сторож знает больше?

– Наверняка, Ашот Георгиевич, наверняка...

– Геворгович!

– Простите.

– Сейчас он отсыпается. В шесть будет на работе.

– Хорошо. Мы подойдем...

– В таком случае – не прощаюсь.

– Ну, чего нарыл? – первым делом полюбопытствовал Андрей.

– Ни шиша...

– Может, позавтракаем? А то в животе настоящий бунт поднимается! Против голодомора. А русский бунт сам знаешь какое страшное дело...

– С удовольствием. Угощаешь?

– Ох, и наглец же ты, Василий Давыдовыч! Заметь: я не служебные проблемы на пустой желудок решаю, а твои личные...

– А в прошлом году? Когда у тебя племянник пропал... Я двое суток не спал – забыл? Хоть бы магарыч поставил, засранец!

– Абижаешь, дарагой, – сымитировал кавказский акцент Шелягов. – Я лучший армянский коньяк тебе предлагал, а ты отказался...

– Ага! Угостила лиса журавля... Мог бы накрыть поляну: шашлык-ташлык – я «хавчик» уважаю. А спиртное не пью. И ты об этом знаешь!

– Ладно. При первой же возможности исправлюсь.

– Не будем оставлять на завтра то, что можно сделать сегодня. В прошлые выходные в парке открыли новый летник...

– Ты-то откуда знаешь?

– Мой старый приятель – Вован Дымченко...

– Дым?

– Ага... Он теперь главный у них на гриле. Приглашал принять участие в церемонии торжественного пуска, просил, так сказать, разрезать ленточку...

– А ты?

– Я в командировке был!

– Что ж, давай наверстывать упущенное!

* * *

За одним из дубовых столиков сидел небритый дядька неопределенного возраста и потягивал какой-то слабоалкогольный напиток, то ли бренди-колу, то ли колу-бренди, как шутил Егоршин; остальные места были не заняты. За прилавком грузная женщина пыталась натянуть на себя белый (впрочем, уже не совсем белый) халат, еще одна красила губы, устроившись перед большим овальным зеркалом, до двух ранних посетителей им не было никакого дела.

– Эй, где Дым? – не выдержал Шелягов, который тоже хорошо знал гриль-повара – тот имел весьма бурное и длительное криминальное прошлое.

– А шут его знает, – огрызнулась толстуха. – Он вчера набрался, как жаба мула, теперь, мабуть, отсыпается...

(Говор явно выдавал в ней хохлушку, может, даже землячку из Донбасса – Мариуполя, Красного Луча или Севе-

родонца.)

– К сожалению, банкет отменяется! – с напускной грустью в голосе констатировал Егоршин.

– Ладно, командир, – роскошно улыбнулся Шелягов. – Гуляем! Тащи, Маша, все, что у тебя есть.

– Мы с вами знакомы? – кокетливо надула губки труженица общепита.

– Да тебя весь город знает. По бейсику на груди, – рассмеялся Андрей, кивая на огромный круглый значок, пристегнутый к воротнику халата, на котором было четко выведено «Мария».

* * *

Как только Шелягов принялся за вчерашний шашлык, зазвонил его телефон.

– Рахит! – прошептал капитан, включая громкоговорящее устройство.

– Ты где? – зарычал Петр Петрович.

– Отъехал по делам.

– С Егоршиным?

– Сам!

– Вы эту самодеятельность прекращайте... Давай быстрее в контору – на кражу выехать некому!

– Кражи – не моя специализация!

– Приказываю!

– Есть!

– Ну, чего, Вась, чего они так засуетились? – спрятав телефон в карман, спросил Шелягов, продолжая неспешно жевать жесткое и холодное мясо, постоянно застревающее в зубах.

– Не знаю, – повел плечами майор.

– Я наверняка не последний, кого руководство попытается склонить к сотрудничеству. Так что гляди в оба...

– Не учи отца Камасутре...

– Ладно. Я побежал. Если спросят, где ты, что отвечать?

– Правду и только правду...

– А серьезно?

– Скажи, что в последний раз видел меня утром в больнице – эскулапы все равно сдадут нас, как тару в приемный пункт!

– Понял.

* * *

Егоршин еще раз прошел мимо места происшествия. Когда он был там вместе с Шеляговым – напротив все время стояла «Аварийная водоканала», двое парней в идеально чистых комбинезонах о чем-то переговаривались возле открытого люка; голова третьего время от времени выныривала из-под земли и простреливала окружающую местность наглыми глазами.

Спецавтомобили разных хитрых служб охотно используют в своей деятельности парни из «семерки» – это хорошо известно всем аттестованным сотрудникам МВД...

Фургона уже не было.

Напрасная тревога?

Похоже...

Однако как учит народная мудрость? Береженого Бог бережет!

Заученным движением Василий вошел в телефонную книгу своего мобильного и быстро нашел нужную строку...

– Привет, Сергеич! Что у вас стряслось в парке? Ничего? Значит, халтурят твои работнички... Подрабатывают... Да... Да... Специализированная... Двадцать шесть – семнадцать... Говоришь, нет такой... А частники? Не имеют права использовать вашу символику... Ясно... Ну, спасибо... Как там у тебя дома? Сынок больше не буянит? Ежели что – звони!

Василий засвистел и огляделся по сторонам.

Вдали на аллее парка появилась «неотложка» с включенной «мигалкой». Завыла сирена... В том, что в чреве автомобиля находятся не медики, а милицейские разведчики, Егоршин уже не сомневался. Тем более что прямо по курсу из кустов вдруг выполз пьяный молодой мужчина и, петляя, направился к выходу из парка. Такими дешевыми приемами можно удивить кого угодно, только не профи с двадцатилетним стажем...

«Итак, за мной следят... Самое обидное, что свои... Интересно, кто отдал приказ? Рахит? Нет... Мелковата сошка... “Семерка” подчинена напрямую начальнику УВД и его первому заму. А до этих так просто не добраться. И если доберешься – что скажешь? “Простите, Анатолий Борисович, зачем вы пустили за мною своих гончих псов?” Так он меня в порошок сотрет... Или проглотит целиком, не поперхнувшись. Когда имеешь дело с высокими начальниками, надо быть троекратно хитрее. Осмотрительней. Нельзя давать им понять, что заметил “хвост”. Но и “пасти” себя все время – давать нельзя. Чтобы не вывести случайно на правильный след. Ладно... Попробую потеряться где-нибудь по дороге...»

Егоршин обогнал пьяного и, не оборачиваясь, помчал через дворы в направлении ближайшей улицы, по которой ходил общественный транспорт. Издали заметил желтый «Богдан», по-черепашьи ползущий в пробке в сторону центра, и прибавил ходу.

Вот и остановка.

Двери микроавтобуса уже начинали закрываться, когда он влетел в его салон и сразу припал к окну. Сзади не было никого.

«Грамотно работают, черти... Интересно, в чем теперь

они едут? В той красной “семерке” или в бирюзовом “Опеле”? А может, филер – девчонка в оранжевом жилете, движущаяся на скутере параллельным курсом? Посмотрим на следующей остановке...»

Словно повинувшись его мысленному приказу, шофер включил правый поворот. На миг маршрутка замерла у бордюра. Оба подозрительных автомобиля сразу обогнали ее. А вот скутер... Скутер остался сзади. Его миловидная владелица, как ни в чем не бывало, смотрелась в зеркало и красила губы.

Через полкилометра, прямо в центре города, есть небольшая промышленная зона, огороженная со всех сторон двухметровым забором, вокруг нее – узкая тропа, на которой трудно разминуться даже двум людям. В наглуую преследовать его не станет никто...

Василий еле дождался остановки.

Как только двери распахнулись, выскочил на улицу и рванул направо. По пути бросил взгляд на зеркало одинокого грузовичка, припаркованного за углом многоэтажки – теперь за ним, прихрамывая, брел франтоватый мужчина лет тридцати пяти: в старомодном костюме, с полированной тростью в руке, ну просто копия агента царской охраны девятнадцатого века!

Майор поднялся наверх по искусственной земляной насыпи и пошел вдоль забора. Сейчас в нем будет первая дыра, через сто метров, сразу за поворотом – вторая... Прекрасная возможность разобраться с неизвестным филером.

Преследователь не отступал, опровергая все его предположения. Видимо, такую перед ним поставили задачу: ни на миг не упускать из виду объект слежки, даже с риском быть раскрытым.

«У парня на роже не написано, что он из милиции... Значит, я имею право действовать по собственному усмотрению», – решил Василий.

Проигнорировав первый лаз, он юркнул во второй и, стараясь не поднимать шума, бросился в обратном направлении по внутренней территории промзоны. Затем через первую дыру вернулся на «тропу войны». «Фрак» франта как раз исчезал за поворотом...

«Сейчас или никогда!»

Майор бросился вдогонку и, спустя несколько мгновений, настиг незнакомца. Ребром ладони сзади нанес точечный удар в шею и, когда мужчина осел на землю, принялся шарить в его карманах. Ничего. Ни удостоверения, ни оружия...

«Через две-три минуты он очухается и присоединится к своим сообщникам без каких-либо последствий для своего драгоценного здоровья... Что делать дальше? Бросить и уйти? Или продолжить игру? А... Плевал я на вашу конспирацию!»

Егоршин оттащил тело за ближайший куст и принялся хлопать по щекам мужчины. Вскоре несчастный пришел в себя.

– Колись быстреей, сука! – скорчив страшную рожу, заорал Василий и взвел курок табельного «макара». – Кто послал? Зачем?

– Я ничего не знаю... Я просто гулял...

И в это время из рукояти трости донесся грубый голос:

– Четвертый, четвертый... Отзовись!

– Ну! Отвечай! – нетерпеливо пробасил Василий.

– Слушаю! – проямлил разведчик.

– Где ты?

– За забором...

– Мы потеряли тебя из виду... Все в порядке?

– Да.

– Выйдешь – передашь объект первому.

– Понял...

– Говори быстреей, кто послал? Дед? Американец? (Эти двое были последними криминальными авторитетами, уцелевшими в кровавой мясорубке конца прошлого века; теперь они крупные бизнесмены!)

– Не смей меня, Васек! Ты давно догадался, что мы из одной конторы.

– Ксиву покажи!

– Понимаешь, какая беда, – на задания мы ходим без документов.

– Знаю.

– В нашем подразделении многие сочувствуют тебе... И не понимают, почему начальство всех подняло на ноги. Вне-

штатных, засекреченных – всех! Спрашивай быстрее, что тебя интересует – у нас мало времени...

– Кто отдал приказ?

– Мой непосредственный начальник. Но без согласования с высшим руководством на такой шаг он бы не решился.

– Ясно! Извини... Как тебя звать?

– Серега.

– Позвони мне вечером! На мобильный. Надеюсь, у тебя есть мой номер?

– Нельзя нам Вася. Ни встречаться, ни по телефону разговаривать.

– А черт...

– Но если вылезет что-то важное – я сам тебя найду. Не сомневайся!

– Спасибо тебе, брат...

– Не за что... Пока!

– Ну, пошли... Сначала я, затем – ты. Сможешь без «скорой помощи»?

– Попробую...

* * *

Следующим снова стал тот, кто ранее играл роль пьяного в парке. Егоршин сразу узнал его по роскошной густой шевелюре.

«Что, мальчики, пошли по второму кругу? Идиот... Хоть

бы парик догадался нацепить».

Майор улыбнулся сам себе и принял вправо – туда, где возвышались корпуса однотипных пятиэтажек, прозванных в народе «хрущевками».

Здесь ему знаком каждый дом, каждый переулок и сквозной проход. Сейчас будет арка, сразу за которой – спуск в подвал, где уже много лет собираются местные «качки»...

Василий ступил на первую ступеньку, ведущую вниз, когда поднял глаза и увидел юношу с большим букетом роз, нервно переступавшего с ноги на ногу. «Обложили, демоны! Спокойствие... Только спокойствие... Я не замечаю слезки и не пытаюсь скрыться, просто прогуливаюсь, может, собираюсь снять квартиру – о моих проблемах с теперешней хозяйкой известно всем и вся».

Набросив на лицо маску равнодушия, Егоршин принялся по очереди рассматривать фасады близлежащих домов, делая вид, что ищет нужный номер. «Ага вот... Пятнадцать... Третий подъезд... Здесь на втором этаже разбито стекло – через него можно запросто выпрыгнуть на улицу и затеряться в толпе. А филеры будут думать, что я зашел к кому-то в гости и ждать, ждать, пока не посинеют...»

Майор непременно осуществил бы свою задумку, если бы не... скутер, припаркованный прямо под окном. Его водительница (уже без жилета) спокойно покуривала неподалеку.

Егоршин сплюнул и пошел назад.

В дверях столкнулся с обладателем букета. От неожидан-

ности тот выронил цветы, розы разлетелись в разные стороны и рассыпались, устелив своими лепестками бетонированный порог.

Юноша при этом чуть не расплакался...

Утешать его не было ни времени, ни сил, ни желания.

Тем более что Василий уже заметил свободное такси, так кстати подруливающее к подъезду, и понял, что это его последний шанс оторваться от преследователей.

За миг он плюхнулся на переднее сиденье «Волги» и нервно произнес:

– В центр! Быстро!

Не говоря ни слова, седовласый водитель нажал на педаль акселератора.

– Здесь направо – в переулок...

В это время заговорила радиостанция:

– Шестьдесят шестой!

– На связи! – по-юношески бодро отозвался шофер.

– Почему не прибыли на вызов?

– Как не прибыл? Пассажир со мной в салоне...

– Человек ждет вас на улице!

– Понял...

– Сейчас будем, – добавил майор.

– Ты кто? – удивленно повел глазами вправо таксист.

– Старший оперуполномоченный Егоршин, – достал удостоверение Василий. – Не дрейфи, батя! Служебная необходимость... Держи сотенную, надеюсь, это компенсирует твои

моральные издержки.

– А как же клиент?

– Ничего с ним не случится за пять минут. Сейчас высадишь меня вон у того здания с крашеным фасадом – и свободен.

– Так и доложить диспетчеру?

– А то!

Водитель лихо притормозил и, высадив наглеца, понесся в обратном направлении.

Когда «Волга» на миг замерла на первом же перекрестке перед красным сигналом светофора, в приоткрытое правое окно вломилась перекошенная физиономия молодого мужчины в старомодном костюме:

– Где ты высадил пассажира?

– Где... Где... В Караганде! – буркнул таксист и сразу же схлопотал по зубам.

Пришлось колоться! Во избежание дальнейших неприятностей...

– Он вышел возле вэтэбешки.

– Что за хрень?

– Так мы называем здание, в котором расположено отделение Внешторгбанка.

– Понял...

Дорога вела в тупик – туда, где находилась городская станция «скорой медицинской помощи». Автомобили с проблесковыми маячками все чаще попадались ему навстречу. И тут Егоршина осенило.

«Черт побери, кто-то же вызвал “неотложку”! Кто? Кто? “Слава богу, “скорая” приехала мгновенно” – так, кажется, сказал Шелягов. Значит, был невольный свидетель? Или тот, кто толкнул ее, вдруг решил проявить сострадание и позволил на “0—3”?!»

Майор еще раз оглянулся и, никого не заметив сзади, повернул налево в уютный дворик.

– Антон Петрович у себя? – спросил первую встречную в белом халате.

– А то где же! – отчего-то злобно сплюнула та и скрылась за углом, где медики устроили курилку.

Главврача Куролесова Василий знал давно, они часто встречались по долгу службы, раньше даже купались вместе по утрам, но в последнее время как-то отдалились друг от друга. Мягкостью характера Куролесов не отличался, выгонял с работы за малейший проступок, вот и настроил против себя большую часть трудового коллектива.

– Ба! Какие люди! – Антон поднялся с насиженного места и раскрыл объятия. – Ты где пропадал, Егорушка?

– Служба, сам понимаешь...

– Смотри, сгоришь на работе – никто этого не оценит.

– Знаю... Дело есть...

– С каких пор ты такой деловой стал? Присядь, выпей чаю со старым приятелем! Или, может, того, чего-нибудь покрепче?

– Не употребляю...

– Эта песня мне знакома сто лет. Что случилось, старина?

– Анята...

– Что Анята?

– Вчера в парке упала и напоролась глазом на сучок... Теперь вот лежит в коме...

– Так это твоя красавица?! У нас только и говорят о том случае...

– Что говорят?

– В рубашке она родилась, Василий, поверь мне...

– Верю...

– Если бы чуть-чуть вправо – на сучке остались бы и глаз, и мозги...

– Прекрати... Я все же отец... А не просто бесчувственный опер.

– Извини... К счастью, мои орлы прилетели вовремя и сделали все необходимое. Так что с тебя магарыч, дружище.

– За мной не заржавеет...

– Ты ведь знаешь, я сам не пью. Составишь компанию?

– Нет.

– Значит, пьянка переносится на неопределенное время.

Пока ты не раскодируешься.

– Лады. А сейчас, Тошик, давай послушаем твой магнитофон.

– Давай, – главврач ловко выдвинул потайной ящик стола, в котором пряталось проволочное звукозаписывающее устройство, подсоединенное к телефону диспетчеров – так он проверял свой персонал на «вшивость». – В котором часу это случилось?

– Двадцать один тридцать.

– Вот... Вот... Слушай!

– В центральном парке умирает девушка лет пятнадцати-шестнадцати, – «глотя» буквы «р», монотонным голосом сообщил неизвестный. – Срочно пришлите карету...

– Это все?

– Все! Он бросил трубку!

– И что ты можешь сказать о звонившем?

– Пожилой мужчина. Может, еврей по национальности. Слышь, как он картавит... Ср-р-рочно... Кар-р-рету! А может, русский – с дефектом речи.

– Не густо.

– Да уж... Но ты по своим каналам можешь пробить, «откуда дровишки»...

– А если звонили с таксофона?

– Не исключено...

– Вот видишь... А в таком случае все, Тошик, кранты...

Так что запись ты, того, на всякий случай заханырь...

– В каком смысле?

– Сделай копию и спрячь.

– О'кей! Но зачем?

– Боюсь, что она может заинтересовать еще кого-то.

– Да я пошлю их...

– Успокойся, Антон Петрович... Это не шаромыги какие-нибудь. Взрослые, авторитетные люди с крутыми ксивами в карманах. С такими лучше не ссориться. Надо запись – пожалуйста... Изъять? Ноу проблем! А сам на телефон – и все мне в ухо...

– Номер у тебя тот же?

– Да. Но на него звонить нельзя. Сейчас я куплю новую карточку – и где-то через час сам брякну тебе.

– Понял!

* * *

Черные тучи снова опускались на город, грозя вот-вот разразиться очередным проливным дождем.

Егоршин забежал в офис одного из мобильных операторов, где быстро купил новый телефон и стартовый пакет к нему. Однако первый звонок – к доктору Шапиро, все же сделал со старого номера. «Как Аня?» – «Без изменений!» И только следующий – к брату Ивану – стал пробным для навороченного ультрасовременного «Самсунга»:

- Ну, где ты?
- Подлетаю...
- Тебя встретить?
- Не надо. Сам доберусь... Жди дома.
- Хорошо.
- Да, кстати, что у тебя за номер?
- Запасной...
- Неужели все так серьезно, брат?
- Серьезней не бывает... Вскоре убедишься.
- Ты только того, горячки не пори...
- Не учи отца Камасутре, – который раз повторил свое любимое изречение Василий и отключил мобильный.

* * *

Ваня приехал только через три часа. Хорошо зная его характер, не терпящий никакой спешки, точности и пунктуальности, Василий не волновался – все время спокойно анализировал сложившуюся ситуацию.

«Итак, “неотложку” вызвал немолодой мужчина с дефектом речи... Кто он? Невольный свидетель преступления, насильник-извращенец, просто сердобольный прохожий? Надо срочно установить его личность... И в первую очередь выяснить, откуда он звонил... Сейчас брякну Андрюхе – пускай занимается. Нет, Шелю трогать нельзя... И вообще – никого из коллег нельзя... Разве только позвонить и назначить

встречу. Для этого сойдется и старый телефон».

Егоршин в который раз за день набрал своего лучшего друга.

– Ты где сейчас?

– В конторе... Увяз в рутине по самые помидоры!

– Ко мне на чаек заскочить не хочешь?

– Хочу... Только начальство наше мнение в расчет не принимает. Рахит сказал: «Домой только по моему личному распоряжению».

– Сука!

– Вот и я об этом... Ивана вызвал?

– Да!

– Он едет поездом?

– Нет, летит самолетом.

– И когда будет?

– Сказал «скоро», но ты ведь его знаешь...

– Ясно! Я, Васек, приеду. Непременно.

– Когда?

– Как только – так сразу, – в очередной раз выдал свою «коронку» Андрей.

– Понял. Жду.

Майор выключил трубу и, уподобляясь любимому литературному персонажу, принялся рассматривать через лупу медальон на серебряной цепочке.

«Блин, что это за знаки? То ли иероглифы, то ли буквы явно не славянского происхождения... Кто сможет помочь

их прочитать, кто? Преподаватели университета? Представители нацменьшинств? А, черт!.. Куролесову позвонить за-был...»

– Алло, Тошик, это я.

– Хорошо, милая, все будет так, как хочешь ты...

И пошли короткие гудки.

Значит, что-то случилось... Егоршин не сомневался – кто-то пришел за записью!

* * *

Антон Петрович позвонил через четверть часа с другого номера и пояснил, что «занял» телефон у одного из своих подчиненных. Василий мысленно похвалил его за сообразительность.

– У нас тут такие дела, такие... – без устали тархтел доктор.

– Говори четко, не захлебываясь.

– Как только ты ушел – позвонил Петр Петрович. Сам знаешь – мы давно знакомы...

– Ну...

– Не перебивай! Сказал, что расследует одно уголовное дело, и попросил помощи...

– Запись!

– Да... Я, естественно, согласился. Он прислал какого-то парня...

– Тот предъявил удостоверение?

– Нет.

– А почему?

– Зачем? Сказал: «Я от Петра Петровича»...

– Думаешь, этого достаточно?

– Конечно...

– Эх, Тошик, Тошик, сколько можно тебя учить? Завтра тот же Рахит пришлет официальный запрос: «Прошу выдать запись разговоров за такой-то день» – а у вас ничего нет!

– Издеваешься?

– Помянешь мое слово, когда получишь выговор за халатность.

– Ну, это мы еще посмотрим!..

И взбешенный Куролесов выключил мобильник.

* * *

Иван никогда не пользовался звонком – по старинке просто стучал в двери «семеркой» из азбуки Морзе, подчеркивая свою принадлежность к миру «радиопомешанных»; на этот раз условный сигнал прозвучал как-то угрожающе-зловеще и наваял дурные аналогии: мол, пришли по твою душу из седьмого управления...

Однако на пороге был все же он. Последняя родная кровинка на белом свете. Брат, коллега-опер, единомышленник...

– Ну, как там – на земле Уральской?

– Лишь бы не хуже... Люська, Настасья привет тебе передавали, а Колька, как всегда... – он поставил на стол пакет с сушеной рыбой и литровую банку маринованных боровичков (двоюродный брат был большим мастаком по их приготовлению). – Прошлогодние. В этом году еще не начинались.

– Спасибо! А майские что же, не уродили?

– Так... Было немного. Но они на консервацию не годятся – червя много.

– Ясно... Присаживайся. Сейчас перекусим – и разъедемся кто куда!

– Я конечно же в больницу?

– Какой ты понятливый... Если в палате уже поставили охрану – выгоняй без лишних слов. Надо будет написать официальный отказ – вызывай меня. Понял?

– Так точно!

– Ни есть, ни пить, в туалет не выходить. Сам знаешь, если Анята не выживет или останется инвалидом, – я наломаю дров...

– Знаю... Грибочки открывать?

– А то как же!

Пока Ваня возился на кухне с ключом, пришел Шелягов. Принес в огромном пакете добрый десяток бутылок пива «Три толстяка» и по одной начал выкладывать на стол, напевая старую, невесть кем придуманную песенку:

Трое появились не случайно,
Троица придумана не зря...
И совсем недаром в каждой чайной
Есть картина «Три богатыря»!
Ну, где ж ты друг,
Наш третий друг
Из картины «Три богатыря»?

– Я здесь! – из кухни откликнулся Иван. – Высоцкий?

– Приписывают ему...

– А наш батя утверждал, что эту песню исполнял его любимчик – Рыбников, – присоединился к дискуссии Василий и затыкнул:

Сделана отметка на стакане
И укромный выбран уголок,
И уже разломленный в кармане
засыхает плавленый сырок...

– «Ну, где ж ты друг, наш третий друг из картины “Три богатыря?” – подхватили остальные.

– Да, были времена... – вздохнул Иван. – Дорога – бесплатно, форма – даром. Коммунизм!

– Точно! – согласился Андрей. – А теперь поездом на Донбасс – сотка баксов и назад столько же. Особо не покатаешься!

– Что-то дороговато... Я и то меньше плачу.

– Это же не Урал – чужая страна! Две таможни... «Что еще вы перемещаете, кроме собственных тел?» Усратья – и не жить!

– Давно дома был?

– В мае...

– И как там – в незалежной неньке?

– Родаки еще так-сяк. Перебиваются с хлеба на воду. Большого на пенсию не позволишь... А братья спиваются без постоянной работы. Правда, иногда ходят на частную копанку за сто гривнюков в сутки. Но на такие деньги семью не прокормишь. А морду залить можно – по самую завязку... Только водка и карты остались в прежнюю цену. Вот они и квасят днем и ночью да в «тысячу» между собой режутся. Ну, ладно... Хватит о грустном! Ты как, Ваня, будешь – из бутылки али из стакана?

– С горла оно привычней!

– Василию я даже не предлагаю...

– И правильно... Вот закончу с этим делом – и оторвемся на полную катушку!

* * *

Пока Андрей с Иваном пили пиво с таранью, Василий составлял планы на вечер.

«Брат – в больницу, а мы с Шелей снова поедем в парк... Он – к Абрамяну, я – к Синицыну»...

Однако время шло, а его сообщники как будто никуда и не собирались.

И Василий не выдержал...

– Эй, ребята, вам не кажется, что пора закругляться?

– В каком смысле? – буркнул Шелягов.

– В прямом...

– Закругляться в прямом... Каламбур какой-то...

– Хватит ерничать. Дел не меряно! Забыл? Тебя ждет сторож...

– Не переживай – ему всю ночь дежурить. Как и твоему Синицыну.

– Вы как хотите, а я поехал...

– Остынь, братишка, – вмешался Иван. – Нам действительно некуда спешить.

– Особенно тебе! Там ребенок... без присмотра... между жизнью и смертью, а вы...

– Василий прав, – неожиданно согласился Андрей. – Анютку ни на миг нельзя оставлять одну, – он отозвал в сторону младшего Егоршина и прошептал ему в ухо: – В этом деле не все чисто... Пока его жертва в коме – преступник чувствует себя в полной безопасности, но как только девчонка придет в себя и начнет давать показания – кому-то может не поздоровиться!

– Ты на что намекаешь?

– Что этот урод сделает все, чтобы Аня никогда не вышла из такого состояния!

Как только «десятка» Шелягова тронулась с места, за ней увязался «мицубиси-Ланцер» с затемненными стеклами, доселе таившийся в соседней арке.

– Тьфу, черт! – сплюнул капитан, бросая руль вправо.

Иномарка еле вписалась в поворот.

– К тебе добирались тандемом и от тебя – тем же способом, – сухо прокомментировал Андрей. – Совсем оборзели, сволочи! Раньше хоть менялись, а теперь – надули щеки и тупо едут следом...

– Значит, такое получили указание, – философски заметил Иван. – Только от кого?

– Нам этого знать не полагается...

– Все равно мы от своих планов не отступим, – невозмутимо изрек Василий, сидевший спереди и не спускавший глаз с зеркала заднего вида.

– Точно! – согласился Шелягов и резко нажал на тормоза – как раз напротив здания городской больницы, в которой лежала Аня.

Иномарка дико завизжала тормозными колодками. Объехать на узкой улице неожиданно возникшее препятствие ее водитель не мог: навстречу несся бурный поток автомобилей, столкнуться с ним в лоб в лоб было бы, по крайней мере, неразумно...

«Мицубиси» ползла и ползла вперед, целясь прямо в багажник российской родственницы, но столкновения не произошло – капитан Шелягов, спокойно наблюдавший за развитием ситуации, просто отъехал на полметра вперед.

Только тогда Иван, путешествовавший на заднем сиденье, оставил свое место и, мгновенно покинув салон «десятки», уселся на капот наконец-то остановившегося «Ланцера». Достал сигарету, закурил, и, дождавшись, когда машина с его сообщниками скроется из вида, небрежно двинул в сторону лечебницы.

* * *

Повторный визит в зоопарк не оправдал надежды сыщиков. Похоже, сторож и впрямь ничего необычного не видел, точнее, вчера он просто не мог ничего видеть. Об этом свидетельствовало и запухшее от беспробудного пьянства лицо, и устойчивый запах перегара, заставлявший Шелягова во время разговора держаться на приличном расстоянии от собеседника.

А Сеницын и вовсе не явился на работу. Позвонил Никитину и попросил подежурить еще сутки...

Друзья уже собирались разъехаться по домам, когда на парковой аллее появилась стройная, атлетическая фигура в фирменном спортивном костюме.

– На ловца и зверь бежит, – сообщил Андрей, толкнув то-

варища в бок. – Это Строев, тренер твоей дочки... Я его пидорский походон издали узнаю. Здравствуйте, Олег Владимирович!

– А... Шеля! Привет. Че ты сегодня такой официальный?

– Потому что на службе... Знакомься... Василий Егоршин... Отец Анюты...

– Сочувствую...

– Только и того? Может, пособишь чем-нибудь?

– Я бы с удовольствием... Только чем?

– Расскажи поминутно, как проходила тренировка.

– Ничего необычного... Разминка, спарринги...

– А потом?

– Потом дети стали уходить: кто в одиночку, кто – группами. Аня в это время убирала зал... Я ее не заставлял, она всегда добровольно оставалась наводить порядок...

– Чистая правда! – кивнул Егоршин.

– Хорошая девочка, ответственная... Нам ее будет очень не хватать...

– Ты, Лезя, того, погоди хоронить человека заживо, ладно?

– О'кей...

– Кто ушел раньше: ты или она?

– Аня... Я остался ждать Белокурова.

– Прокурора?

– Ага...

– А он что с таким брюхом в спортзале делает?

– Для них по четвергам в спорткомплексе топят баньку. Все начальство съезжается. Горшков, Левитин... Знаешь, новая мода – открывать и закрывать уголовные дела, не выходя из парилки... А у меня племянник недавно загремел. По хулиганке... Гудел в «Версале», ноги на стол закинул, ему сделали замечание, а он, как с цепи сорвался, – набросился на администратора, ну и отметелил его по пятнадцатое число...

– Так этот «Тайсон» – твой племяш?!

– Да... Я думал – перетру с Белокуровым, и его отпустят, а тот так нажрался, что «му» не мог сказать...

– Ты, Олежа, вспомни что-нибудь интересное, мы и без него пацана отмажем!

– Правда?

– Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– Нет.

– Оформим отказняк, оштрафуем на три сотки – и все дела...

– Было бы неплохо! Он мне – словно сын родной, Светка-то три года как умерла...

– Какая Светка?

– Мамка его, моя сестрица... Кирилл после того не просыхает...

– А это еще кто?

– Биологический отец...

– Ясно... Думай, голова, думай! Может, какие извращен-

цы у вас тут по вечерам бродят?

– Есть... Да вы их знаете... Кум и Могила... Дрочат за кустами, пока девчонки аллеи топчут. Только что с них возьмешь? Больные люди... Анюте с такими справиться – раз плюнуть! Все же каэмэс по рукопашке...

– И то правда...

– К тому же по вечерам они сюда – ни ногой. Освещения – ноль, никто их достоинство разглядеть не сможет, а это для эксгибиционистов – как серпом по яйцам!

– Ладно. Убедил. Собачников в парке много?

– Хватает...

– Всех знаешь?

– Только основных... Самсоновы, Петровы...

– Новых в последнее время не наблюдалось?

– Нет... Вроде...

– Ладно... Ты подумай. Если что вспомнишь – сразу звони мне.

– Есть! – по-военному рявкнул Строев.

– И еще, – улыбнулся Егоршин, до сих пор с напускным равнодушием наблюдавший за разговором. – Я Сеницына не могу найти. Трубку домашнего телефона он не берет, а номера мобильного у меня нет.

– Секундочку! – Тренер умело вошел в меню своего старенького «Эриксона» и продиктовал: – Девятьсот шестнадцать, шестьсот девяносто восемь, сорок два, тридцать четыре.

Василий записал номер в телефонную книжку. И продиктовал свой Строеву. Новый. На всякий случай.

* * *

Синицын не хотел общаться даже по телефону. Видел на дисплее незнакомую комбинацию цифр и упрямо не брал трубу... Пришлось пойти на хитрость и воспользоваться функцией «скрыть номер». После этого случилось чудо!

– Алло! – приглушенно прохрипел незнакомый голос.

– Павел Сергеевич! – обрадованно затарахтел Василий. – Майор Егоршин из УГРО. Мы с вами встречались лет десять назад...

– Помню. Кажется, я даже ваш должник...

– Еще бы! Без меня вы не вычислили б вымогателя до конца своих дней...

– Согласен.

– Пришло время отдавать долги.

– Говори...

– Не по телефону... Куда подъехать?

– Щусева, семнадцать, квартира восемьдесят шесть. Четвертый этаж. Когда будете?

– Через полчаса.

– На похмелье что-нибудь возьми, не то башка трещит, как лед на мартовской речке...

– Что, переусердствовали вчера?

– Есть такое дело...

– «Ловен брау» пойдет?

– Пиво без водки – деньги на ветер! Возьми маленькую...

В придачу...

* * *

Любимый напиток Джеймса Бонда с недавних пор продавали по всей России – какой-то отечественный завод оперативно наладил его производство. Однако вкус этого лицензионного продукта лишь отдаленно напоминал вкус настоящего бельгийского пива. Об этом Егоршину в пути сообщил Андрей Шелягов – «великий знаток истории пивоварения» и одновременно обожатель походов неперезожденного агента 007. Но отговорить друга ему не удалось. В довершение к обещанной чекушке Василий все равно взял две бутылки широко разрекламированного «Ловен брау».

Старенькую малосемейку с покосившимся номером на фронтоне было видно издалека – как-никак единственный «небоскреб» в море одноэтажных хижин.

Шеля остановил «десятку» напротив тыльной стороны здания, возле переполненного мусорного контейнера, в нос ударил едкий запах, и рука сама принялась искать ручку, поднимающую боковое стекло.

В это время на лестничном проходе мелькнула чья-то тень. Спустя мгновение из разбитого окна на третьем этаже

вылетел тяжелый полиэтиленовый пакет и рухнул на свежескопанную грядку.

– Смотри, что творят, суки! Выбрасывают мусор, не выходя из дома. И нет на них управы!

– Здесь что-то не так, – отчего-то разволновался Василий. – Пакет вылетел не из квартирного окна, а с лестничного. Вот ты стал бы выходить на лестницу, если б вдруг решился на такое хамство?

– Блин! – выругался Шелягов и без лишних слов принялся доставать из кобуры оружие. То же самое сделал и Егоршин.

Одолеваемые предчувствиями, они даже не стали закрывать машину – сразу побежали к парадному.

На деревянной скамье у входа сидели несколько пожилых женщин.

– Из дома никто не выходил? – бросился Василий к одной из них, чья внешность внушала наибольшее доверие: ухоженная, в очках, старушка напомнила ему первую учительницу – Неллю Владимировну. Той сейчас тоже за семьдесят...

– Когда?

– Секунду-две назад...

– Молодой человек, – она указала направо, где действительно маячила одинокая фигура в кожаном пиджаке – до нее было чуть больше сотни метров.

– Он здесь живет?

– Нет.

– Точно?

– Точно. Мы своих знаем!

– Ты – за ним, а я на четвертый, – распорядился майор.

Андрей с обнаженным пистолетом рванул вдогонку за незнакомцем.

* * *

Дверь с табличкой «86» была распахнута настежь. В единственной комнатке, маленькой и грязной, гремел старый черно-белый телевизор. Знакомый всей стране голос бодро рассуждал о перспективах экономического роста России.

Напротив экрана сидел Сеницын.

Посредине его лба зияло маленькое отверстие...

Егоршин сплюнул и побежал вниз.

Пакет с символикой малоизвестной фирмы «SMS» лежал на прежнем месте. В нем, как и предполагал Василий, был пистолет. «ГТ» – излюбленное оружие киллеров.

«Недавно из такого же завалили банкира, – подумал майор. И тут его осенило: – “SMS” Это же Гришки Синельникова фирма! Он десять тысяч пакетов наштамповал со своей рекламой, и одну упаковку подарил нашему управлению... Тэтэшник китайского производства, взятый с места убийства, лежит в моем сейфе в точно таком пакете! А не он ли это?»

Егоршин достал пистолет и еще раз осмотрел его. Теперь

– тщательно и придирчиво...

Продольная царапина на рукояти, потертый спусковой крючок и, главное, номер, в конце которого три двойки не оставляли сомнений – это тот самый ствол. Но кто извлек его из сейфа? Ключ только у него и у полковника Ракитского... Впрочем, при желании изготовить дубликат могла добрая половина сотрудников управления угрозыска.

«Черт! На пакете и пистолете – мои пальцы! Кто-то хотел меня подставить... Кто? Впрочем, почему хотел? Уже подставил... Следаки передадут пулю в лабораторию баллистам, те мигом определят, из какого оружия был сделан фатальный выстрел... Стоп... Пуля! Я должен ее найти раньше, чем это сделает кто-то другой... Только тогда коварные планы подлецов полетят коту под хвост...»

Он снова понесся на четвертый этаж.

Сразу нашел гильзу, спрятал ее и принялся осматривать труп.

Входное отверстие, выходное... Напротив – свежая дырка в обоях. Василий расколупал ее отверткой, лежавшей на телевизоре, но ничего так не нашел. Куда она могла срикошетить, куда?

На полу лежала куча свежестиранного белья. Егоршин просмотрел все – до последних семейных трусов. Пули там не было...

И тогда его внимание привлек растущий в вазоне фикус. Как оказалось – не напрасно: в черной рыхлой земельке тор-

чал свинцовый наконечник. Майор удовлетворенно хмыкнул и положил пулю в карман.

«Что же это получается? Я позвонил, сказал, что через полчаса приеду... Они подслушали? Нет... Меня подслушать не могли, ибо я набирал Пашку с нового номера, которого не знает никто. Подслушали Синицына... За полчаса успели взять из моего сейфа пистолет и прибыть раньше нас на улицу Щусева? Нереально, господа... Выходит, “ТТ” у них уже был. А это значит, что убийство запланировали еще вчера – сразу, как только случилось несчастье с дочкой, или, по крайней мере, сегодня утром. Что киллер выбросил оружие – это правильно, только почему за ним не следил кто-то из заказчиков преступления – ведь тот клятый пакет мог подобрать любой пацаненок? А может, все это специально подстроено? Чтобы взять меня на горячем? Тогда почему я еще не в “браслетах”? Нет, они просто не предусмотрели, что мы так быстро выйдем на Пашку! Пришлось рисковать, торопиться, пороть горячку... Вот и наломали дров... Все равно надо избавиться от паленого ствола и быстрее уносить ноги. Блин, что значит “избавиться”? Вещдок должен лежать в моем сейфе... Иначе – тюрьма. Да... Дела... И Андрюха куда-то запропастился... Шеля, родной, где ты?»

* * *

– Мой напарник не появлялся? – спросил Егоршин и, не

дожидаясь ответа, погнался в направлении, в котором ранее скрылся Андрей Шелягов.

Старушки отрицательно покачали седовласыми головами и в очередной раз проводили его недоуменными взорами. Мол, гоняет, как угорелый, туда-сюда. Хоть бы представился...

Капитана нигде не было, и Василий наконец-то догадался позвонить ему на мобильный. В ответ донеслись длинные и, отчего-то показавшиеся печальными, звонки. Майор в одно мгновение осознал, почувствовал всеми фибрами души – случилась беда: Шели больше нет, и уже никогда не будет...

Пятиэтажку, по периметру которой бегал Егоршин, построили в застойные времена в виде буквы «Г». В правой – укороченной – части находилась малосемейка с одним парадным, где и жил Синицын, в левой – обычный многоквартирный дом с четырьмя подъездами. Именно за его углом исчез Андрей.

Начинало темнеть... Василий сбавил темп и пошел на третий круг. В конце самого длинного прямого участка снова нажал на кнопку вызова своей потертой «Нокии» и вдруг услышал откуда-то снизу знакомую мелодию: «Владимирский централ, ветер северный, этапом из Твери – зла не меряно...»

Огляделся. Под окном первого этажа находилась обычная надподвальная вентиляционная яма или шахта. «Цокольный одинарный проем, облицованный кирпичом» – пользуясь

бюрократическим слогом коммунальщиков. В старые добрые времена их накрывали арматурными решетками, но в последнее время «бесхозный» металл ушел на лом, поэтому большинство «проемов» в нашем государстве оказались открытыми и, ввиду недостаточной воспитанности населения, – снизу доверху забитыми бытовыми отходами и мусором. На горе полных полиэтиленовых пакетов и пустых пластиковых бутылок лежал Шелягов, в кармане которого играл мобильный телефон...

Егоршин прыгнул в яму и попытался измерить пульс друга... Его не было... Тогда он вызвал “скорую”, (точнее, позвонил на мобильный Куролесову и попросил срочно прислать карету по адресу: Щусева, семнадцать), милицию, а сам сел в машину Андрея и помчал на работу...

* * *

Чтобы не попасться на глаза дежурному, в отделение пришлось зайти с черного хода. Его не всегда оставляли открытым, особенно после восемнадцати часов, но в этот раз Василию повезло. Нет, майор не питал иллюзий по поводу того, что ему удастся остаться незамеченным – во всех милицеейских коридорах технари по указанию начальства давно установили видеокамеры внешнего наблюдения, о которых было известно далеко не всем сотрудникам УВД. Василий просто не желал ни с кем встречаться в тот вечер, ибо знал:

любой невинный вопрос может вывести его из равновесия и подтолкнуть к совершению необдуманных поступков, о которых потом придется долго сожалеть...

На третьем этаже, где располагалось управление уголовного розыска, как и предполагал Егоршин, было пусто – все выехали на убийство товарища. В иные дни даже в позднее время здесь всегда «кипела работа» – подуставшие за день опера, в большинстве бывшие убежденными холостяками, никогда не торопились расходиться по домам.

Майор спокойно открыл свой кабинет, положил в сейф «ГТ» и прилепил на дверцу сейфа огромную личную печать, чего раньше почти никогда не делал, нарушая надоевший режим секретности. Затем облегченно вздохнул и уже через парадное вышел на улицу.

В это время зазвонил телефон.

– Ты где? – спросил Петр Петрович.

– Выхожу из конторы...

– Что ты там забыл?

– Долго объяснять...

– Ладно... Давай на Щусева!

– Уже еду...

* * *

– Ну, рассказывай, что здесь произошло? – устало поинтересовался Ракитский, предусмотрительно уводя Егоршина

подальше от остальных коллег.

– Мы с Шелей пили пиво... У меня дома.

– Ты вернулся к нормальной жизни?! Bravo, bravo...

– Не ехидничай, Петро... Я просто наблюдал, как они жрут некогда любимый напиток, и захлебывался слюной, ты это хотел услышать?

(Полковник молча проглотил пилюлю.)

– Кто «они»? – выдавил после непродолжительной паузы.

– Андрей и Ваня – мой брат, он приехал в отпуск.

– Ой ли...

– Твое-то какое дело? – вспыхнул Егоршин, но тут же взял себя в руки. – Извини, я на взводе, сам понимаешь...

– Понимаю...

– Потом Иван поехал в больницу, а мы – в парк, чтобы встретиться с Синицыным. Тот на работу не явился. Я брякнул ему на сотовый и «забил стрелу»...

– Самодеятельничаешь, да?

– А ты на моем месте что бы делал?

– Не знаю! – искренне признался Ракитский. – Но друзей под пули не подставлял бы!

– Слышь, Петруха, не буди во мне зверя! – заскрипел зубами Егоршин, еле сдерживаясь от необдуманного поступка, – его руки давно чесались хорошенько захватить в гладко выбритую рожу начальника, и только ждали команды головного мозга, а ее все не было и не было. – Если б я предвидел, что с ним случится, – ни за что б не отпустил Шелю одного.

Грудью закрыл бы, сам под пули лег...

– Да-да... Ну, и что дальше?

– У дома номер семнадцать мы заметили подозрительного кренделя...

– И чем он показался вам подозрительным?

Василий замялся... Казалось бы, проще вопроса нельзя и придумать, а попробуй ответить? Сказать о пакете с оружием, означает раскрыть все карты, чего он, в принципе, не собирался делать, и к тому же наклепать подозрение на себя!

– Интуиция. Просто интуиция, выработанная годами напряженной работы головного мозга...

– Он у тебя есть?

– А ты сомневаешься? Парень нервничал, оглядывался, суетился, вот Шелягов и решил проверить его документы.

– Значит, все-таки Шеля?

– Ну, не я же...

– А Инесса Сигизмундовна...

– Это кто?

– Жительница малосемейки, отдохавшая на скамье у входа в подъезд...

– А-а... Старая училка!

– ...Утверждает, что ты подлетел к ней со словами: «Из дома никто не выходил?»»

– Ну...

– Значит, у вас уже тогда были основания подозревать, что Синицын... того... мертв...

– Ты, как всегда, прав – были, – быстро нашел выход из положения Егоршин. – Повернув на Щусева, я позвонил Сидницину сначала на сотовый, затем – на домашний, ответа не последовало, вот мы и заподозрили что-то неладное.

– Ладно... Я проверю эту версию.

– Валяй...

– Как ты со мной разговариваешь?

– Так, как ты заслужил, – снова взорвался майор. – Думаешь, я ничего не понимаю? Ах, Петя, Петя, мы ведь с тобой пуд соли сожрали... Без хлеба, между прочим...

– Ну и что?

– Четверг для кое-кого из нашего начальства – банно-стаканный день...

– Знаю!

– В «Динамо» они не только трут друг другу спины, но и пьют водку, иногда парят девиц... во все места...

– Ты это прекрати!

– В тот вечер городской прокурор, знакомый тебе Саня Белокуров, набрался в стельку – свидетелей у меня хоть пруд пруди. Мог он своим «лексусом» наехать на мою дочь, мог?

– Теоретически... Однако, как тебе должно быть известно, никаких следов столкновения с автомобилем на ее теле не обнаружили.

– Правильно! Но ведь окончательно списывать со счетов эту версию нельзя?

– Нельзя...

– Тем более сейчас, когда убит Сеницын, дежуривший в тот вечер в спорткомплексе!

– Куда ты клонишь?

– Куда надо...

– Не понимаешь, с кем связываешься?

– Прекрасно понимаю... С шайкой коррупционеров, к которой примкнул и ты, Петро...

– Ну, знаешь!..

– Знаю... Зачем давил на пацанов, заставлял шпионить за мной, а?

– Я же в твоих интересах, Вася! Ты ж в запале такого нагудить можешь...

– Могу...

– Вот видишь! Ну, скажи, чего вы добились со своей самостоятельностью? Сеницын мертв, Андрюха Шелягов тоже... Неужели нельзя было сообщить мне, официально возбудить дело, пустить по следу следственно-оперативную группу...

– Паша был обречен...

– Откуда знаешь? Опять интуиция?

– Да! Мы опоздали совсем чуть-чуть... Иначе я уже знал бы всю правду!

– Не слишком ли дорогой ценой?

– А вот это, Петя, не твое дело... Смотри, пойдешь на поводу, я не остановлюсь ни перед чем, понял?

Ракитский молчал.

– Еще раз повторяю: тебе все ясно?

– Ох, и наглец же ты, Вася...

– Наглец...

– Да я тебя!..

– Подавишься... И ты это хорошо знаешь. У меня на тебя говна столько – на пожизненное с головой хватит.

– Ну, ну...

– Не нукай! Я его органам продавать не стану – отнесу Американцу. Он давно интересуется судьбами своих пропавших корешков. Особенно Степчика... Тот, если помнишь, не просто бригадиром был, а и кандидатом в зятя, потенциальным наследником многомиллионного бизнеса. Американец любил его, как родного...

– Хватит...

– Не затыкай мне рот, Петя! Не знаю, как Белокурову, а Левитину о твоих выходках было известно, а они между собою кумовья... Захочешь сдать им меня – можешь сразу позаботиться об уютном местечке на городском кладбище. Если со мной случится несчастье – доверенные люди немедленно доставят компру Американцу. Тот долго разбираться не будет... Так что ты, Рахит, как никто другой заинтересован в том, чтобы я жил и здравствовал, как можно дольше.

– Да с таким дурным характером тебя могут грохнуть в любое мгновение!..

– Вот и ходи за мною следом, отгоняй мух, дабы заразу не занесли, зонтом накрывай во время дождя, чтобы я не простудился, хавчик с моего стола дегустируй, чтоб меня нена-

роком не отравили...

– Я подумаю над твоими предложениями...

– А думать-то некогда – время не ждет. Или ты со мной, или, сам понимаешь...

– С тобой, Вася, с тобой! Хочешь откровенно?

Егоршин кивнул.

– Меня действительно просили следить за тобой...

– Кто?

– Левитин... Но я и вправду думал, что это в твоих интересах.

– Тогда держи кардан! – Егоршин улыбнулся и протянул руку; Ракитский крепко пожал ее. – Мы ведь никогда не были с тобой врагами?

– Никогда...

– Одно время вместе в засадах сидели, мокрушников брали, хулиганов на место ставили...

– Чистая правда!

– Мы ведь даже ровесники с тобой, Петя.

– Точно!

– Только и делов, что ты полковник, а я майор...

– Ага...

– Но ведь могло быть иначе, если б я собачился, спину гнул ради карьеры...

– Согласен...

– Поэтому напрягай все силы и готовься помогать мне, горячо любимому...

– Ок! – пробормотал Ракитский, вытирая пот с чела. – И все же... Что ты делал в управлении?

– Заметал следы! – искренне признался Василий.

* * *

Когда на улице стало совсем темно, приехала жена Андрея – Светлана. Она долго голосила у тела супруга, периодически постреливая влажными глазами в сторону Егоршина; тот сразу понял, что тяжелого и нелицеприятного разговора в ближайшем будущем ему не избежать... У Шеляговых была на удивление дружная, крепкая семья, двое мальчиков-близнецов просто обожали своего отца – как теперь их убедить, что он погиб, защищая державу, а не шкурный интерес своего друга?

Утешал женщину не кто иной, как начальник управления собственной безопасности подполковник Горяев, следовательно, объясняться придется не только с безучастной вдовой, но и с коллегами, отвечающими за «чистоту рядов»... Те сами мараться не станут, передадут дело о превышении служебных полномочий в прокуратуру, а там Александр Евгеньевич Белокуров, каким-то образом причастный к тому, что случилось с его дочерью, задействует все свое влияние, дабы показательно наказать виновных и выйти самому сухим из воды... «Он не остановится ни перед чем и сделает все для моей полной изоляции, – догадался майор. – В

выходные дни никаких следственно-оперативных мероприятий проводить не будут, сохраняя видимость законности, а в понедельник-вторник меня закроют, значит, осталось только два дня, чтобы разобраться с этим делом, найти виновных и отомстить!»

* * *

Народ начал расходиться только тогда, когда Шелягова увезли в морг. Последней уехала Светлана – на мужниной «десятке». Передавая ей ключи, Егоршин невнятно пробормотал: «Прости», – но так и не удостоился ответа...

Бабулек у подъезда уже не было. Впрочем, разыскать Инессу Сигизмундовну труда не составило – первый встречный мальчишка сразу же указал на квартиру № 1, в которой проживала старушка.

– Майор Егоршин, – представился Василий, раскрывая удостоверение. – Разрешите...

– Конечно, конечно, проходите.

– Инесса Сигизмундовна...

– Слушаю вас.

– Вы мне напомнили мою первую учительницу.

– Все, кто работал в школе много лет, чем-то похожи друг на друга...

– Значит, я не ошибся?

– Нет... Я всю жизнь преподавала химию...

– Нелля Владимировна растила нас честными, верными, одним словом, порядочными людьми.

– Этому учили все советские педагоги!

– Вот! Вот почему вы сразу вызвали у меня доверие... Поэтому не буду врать, юлить и что-то от вас скрывать. Я пришел к вам не как милиционер, а как частное лицо – обычный гражданин, отец потерпевшей девочки, наконец, друг погибшего милиционера. С моей дочерью случилось несчастье, сейчас она в коме... Я подозреваю, что к этому причастны люди, которые занимают очень – очень! – высокое положение. Что-то должен был прояснить ваш сосед Синицын, но его убили...

– Я без очков ничего не вижу, поэтому не смогла прочитать вашу фамилию...

– Егоршин.

– А звать как?

– Василий...

– По-отчеству?

– Давыдович.

– И что вы хотите узнать, Василий Давыдович?

– Человек, за которым побежал мой напарник, вам знаком?

– Нет.

– Когда он входил в подъезд, у него в руках что-то было?

– Да. Пакет. Обычный полиэтиленовый пакет.

– Как долго он находился в доме?

– Минут пять – не более.

– Значит, это он! Пойдем далее... Я поднялся, а мой товарищ начал преследовать предполагаемого преступника. Вы видели, как он его догнал?

– Нет. Они скрылись за углом.

– Там моего друга и нашли. Мертвым. В вентиляционной шахте...

– Знаю.

– Откуда?

– В нашем доме все только и говорят об этом.

– И что говорят?

– Что неизвестный убил сначала Пашу Синицына, а затем и милиционера!

– Но ведь кто-то же должен был видеть, как это случилось?

– Может, кто и видел, только свидетельствовать не станет. Вот вы говорите, что вашу дочь покалечили влиятельные люди...

– Я так не говорил...

– А как?

– Они могут быть причастны...

– Разве это меняет дело? Время нынче такое – беспредельное, – она по слогам произнесла последнее слово. – У руля – сплошь воры и бандиты. А народ – бесправен и не хочет связываться с ними. Себе же дороже!

– Я покараю. Клянусь вам – покараю убийц моего друга!

Если вам хоть что-то станет известно – позвоните мне на мобильный, – он продиктовал номер своего нового телефона. – Можете просто «маякнуть», чтобы не тратить деньги...

– Это как?

– Положить трубочку после первого гудка. Я сразу перезвоню.

– Хорошо.

– Что ж... Спасибо! Спасибо вам за все...

– Не за что. Погодите... Его нашли сразу за углом?

– Да.

– На первом этаже там библиотека.

– У них всегда занавешены окна, поэтому никто ничего не видел.

– А на втором – живет инвалид. Генка. Он все время на лоджии гуляет. В коляске.

– Спасибо. Вы очень помогли мне!

* * *

«Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». Этой прописной истиной Егоршин руководствовался всегда. Но время было позднее, и тревожить инвалида он не рискнул. Сел в троллейбус и поехал домой.

По дороге позвонил брату:

– Ну, что там, Ваня?

– Без изменений.

– Жрать хочешь?

– А ты как думаешь?

– Думаю – хочешь.

– Какой ты проникательный!

– Работа такая...

– Позволь хоть в магазин сбегать – на первый этаж. Водички купить, печенья...

– Я же просил, даже в туалет – ни-ни.

– И так сцу в бутылку. Как ты учил... Вторую заполняю!

После пива... Приедь – вынесешь.

– Завтра утром. Устал я...

– В таком случае – пришли кого-нибудь. Мне по большому надобно...

– И кого ж я тебе пришлю?

– Андрюху.

– Нет его больше, брат...

– Как нет?

– А вот так. Встретимся – расскажу!

* * *

«Ну и денек, блин... Голова кругом! А результатов – ноль... Впрочем, почему ноль? Кое-что все же проясняется! Вчера в баньке гудело руководство всех правоохранительных органов: Горшков, Левитин, Белокуров иже с ними... Оказывается, такие оргии они устраивают по четвергам каж-

дую неделю. Прокурор окосел раньше остальных и распро-
щался с компанией приблизительно в то время, когда ком-
плекс покинула Анюта... Надо бы осмотреть его «лексус»,
может, на нем остались следы столкновения. Пусть не с доч-
кой – с бровкой, с деревом. Это задача номер один... Но ка-
ким боком здесь Сеницын? Паша дежурил в “Динамо” и ока-
заться на другой стороне парка в рабочее время не мог физи-
чески... А вдруг он выходил куда-нибудь? Допустим, в мага-
зин... До ближайшего гастронома – около километра. Туда –
пять-десять минут и столько же назад... Никто и не заметит!
Хотя... Зачем бить ноги? Возле комплекса – куча автомоби-
лей... Кто сам за рулем приехал, а кто с водителем. Пока бос-
сы парятся – шоферы скучают. Вот он и попросил знакомого
сгонять за сигаретами... Тогда должен быть еще один свиде-
тель! А может, у начальства кончилось пойло и его послали
за добавкой? И, возвращаясь назад, он что-то увидел?! Тоже
вариант... Как бы там ни было, придется установить лично-
сти всех, кто находился в тот вечер у “Динамо”... Это задача
номер два... Стоп... А вдруг пьяный Белокуров сам сел за
руль “лексуса” или же попросил Сеницына отвезти его до-
мой? А по пути случилось нечто непредвиденное... Вполне
возможно. Вполне... Только как узнать правду? Как? Пойти
к Александру Евгеньевичу и прямо спросить, кто управлял
его машиной? Так он и понедельника ждать не станет – за-
кроет меня на тридцать суток – и пиши пропало!

Нет... Нет... Путь к установлению истины лежит через

Картавого. Он один знает, что произошло вчера в парке. И я должен найти его раньше, чем кто-либо другой... Иначе все усилия – коту под хвост!

Черт, я даже не определил, откуда звонили на ноль три! Вот и задача номер три... Три – три... Мистика какая-то... Эта – номер один, все остальные меняют порядковые номера на более поздние!»

* * *

Несмотря на то что часы давно пробили полночь, спать не хотелось. Василий еще долго ворочался в кровати, анализируя события прошедшего дня. Решил – завтра встанет в шесть утра, завезет завтрак Ивану и займется решением трех поставленных перед собой задач...

«Для начала узнаю, откуда вызвали “неотложку”... Вариантов опять три: со стационарного, мобильного и автомата. Первый практически отпадает: жилых домов вблизи парка нет, значит, стать случайным свидетелем происшествия из окна – невозможно... Правда, существует вероятность того, что кто-то прогуливался в парке и, обнаружив окровавленное тело девушки, срочно вернулся домой, чтобы вызвать “скорую помощь”, но она очень мала и подразумевает под собой два неперемных условия: человек опять же должен жить где-то неподалеку (какой резон звонить медикам через полчаса?) и не иметь при себе сотового телефона, что тоже

маловероятно в эпоху всеобщей “мобилизации”.

Если звонили с таксофона, – это, с одной стороны, плохо: попробуй установи, кто им воспользовался, с другой – хорошо: тем, другим, что пытаются вычислить преступника (или свидетеля чьего-то преступления), так же, как и ему, будет непросто достичь цели...

Ну а если с мобильного – тогда конец: влиятельные дяди давно вычислили Картавого и отправили его туда, куда ранее уже упекли Синицына с Шеляговым...»

* * *

Посторонних в больницу пускали только с девяти часов утра, и Василий в очередной раз мысленно поблагодарил Господа за то, что у него есть маленькая красная книжица, позволяющая открывать многие двери.

«Суббота. Выходной день для всех, даже для медиков – только не для ментов», – грустно улыбнулся майор, отмечая, что ему на глаза попадается необычно малое количество людей в белых халатах.

Первый этаж, второй, третий...

Черт, «одышка»... Этого еще не хватало! Вот они – первые звоночки!

Палата, где лежала Анюта, была заперта. В голову сразу полезли невеселые мысли, и Егоршин начал дергать ручку так, что со стены посыпалась сухая штукатурка.

В это время изнутри донесся голос:

– Сейчас... Я сейчас!

Дверь отворилась.

Ни слова не говоря, Ваня вылетел в коридор и понесся в конец отделения, где обычно располагаются сортиры. Вернулся только через минут пятнадцать. Василий за это время успел отдать санитарке две полуторалитровых пластиковых бутылки с мочой и поправить белье на постели дочери.

– Чуть днище не вырвало! Еще бы полчаса – и не было б у тебя брата, – отрапортовал Иван.

– Ничего с тобой не случится – до самой смерти.

– Это точно... Ну, рассказывай, что там с Шелей?

– Его застрелили. И, скорее всего, из собственного оружия. Результаты экспертизы будут только в понедельник, но в обойме табельного «макара» не хватает одной пули...

– Как это случилось?

– Я договорился о встрече с ценным свидетелем. А его убрали...

– Еще один труп? Не слабо...

– Неподалеку от места преступления мы засекли подозрительного парня. Андрей бросился за ним вдогонку. Спустя четверть часа я нашел его в вентиляционной яме.

– Свидетелей, понятное дело, нет?

– Нет. К Анюте никто не заходил?

– Только заведующий. Шапиро. Ты с этим жидком поосторожнее...

– Разве он еврей?

– А то ты не знал?

– Степан Иванович?

– Они по части маскировки – большущие мастера. Чуть что, Лейбы сразу становятся Леонидами, Мойши – Михаи-лами.

– Где ты всего этого набрался, брат?

– С одной еврейкой два года жил, после того как с женой развелся. Жуть какая страстная баба!

– Где она сейчас?

– Кто, Циля? Выехала в Израиль. На ПМЖ. Меня, кстати, с собой звала...

– То есть, вы расстались друзьями?

– Типа того...

– У тебя есть ее телефон?

– Конечно.

– А емэйл?

– Есть. Связывались мы как-то. По скайпу.

– Диктуй.

– Блокнот дома остался.

– А... черт...

– Чего ты так суетишься?

– Консультация нужна. Вот, смотри, какая вещь осталась на месте преступления, – Василий бережно раскрыл пакетик с серебряной цепочкой.

– Сто пудов – иврит! – компетентно заверил Иван, лишь

бегло взглянув на медальон. – Я некоторые «иероглифы» знаю. На букву, что изображена на аверсе, начинается слово «шолом». Мир вам, по-нашему. А на реверсе... Чьи-то инициалы...

– А может, это первые буквы имени и фамилии?

– Шут их знает. Я в этой казуистике не много смыслю.

* * *

Решить первую поставленную перед собой задачу оказалось гораздо сложнее, чем предполагал Егоршин. Обратиться за помощью к технарям – нельзя, те сразу донесут начальству, сделать запрос в Ростелеком – тоже: его никто не завирирует, ни Ракитский, ни тем более Левитин. А без их подписи на «петицию» простого опера никто не отреагирует. Да и чревато предпринимать какие-либо официальные шаги: о них сразу станет известно всем, кому надо и не надо...

И тут Василий вдруг вспомнил об одной даме, некогда набивавшейся к нему в сожительницы. Звали ее Алиной, а работала она старшей смены в секретном подразделении ФСБ, фильтрующем всю телефонную корреспонденцию.

Располагался отдел в бывшем коммутаторном зале местного представительства Ростелекома. Громоздкие шкафы после ремонта заменили современной автоматикой, к которой подключили несметное количество звукозаписывающих устройств последнего поколения, настроенных через ком-

пьютер на ключевые слова: «убью», «замочу», «взрывчатка», «тротил», «президент» и тому подобное.

Аля никогда не соглашалась выполнять его маленькие просьбы, но ведь нынешний случай – не чета прошлым. Настоящий форс мажор, черт побери!

Он спешно набрал хорошо знакомый номер, которым не пользовался уже полгода, и сразу услышал приветливый голос:

– Слушаю...

– Доброе утро, красавица!

– Это ты, Василий?

– А то кто же?

– У тебя новый номер?

– И старый тоже. Я разбогател и купил еще один телефон.

– Понятно... Ты по личному делу или по работе?

– По личному, – не моргнув глазом, соврал Егоршин.

– Ну, наконец, дождалась... Может, и свидание назначишь?

– Непременно!

– И когда мы свидимся?

– Сейчас...

– Ох, и лгун же ты, Васек... Опять срочная служебная необходимость?

– Послушай, Аля... У меня дочь в реанимации... Без тебя – никак...

– Что ж, приезжай... Адрес помнишь?

Дверь была не заперта.

Алина сидела на тахте в махровом халатике, узкие полы которого не могли полностью прикрыть главное женское достоинство, высоко вздымающееся после каждого вдоха. На миг в душе Егоршина всколыхнулись забытые желания, однако они угасли сразу, как только он вспомнил о цели своего визита.

Но и говорить исключительно о делах с такой женщиной – непозволительное хамство. Сколько можно безнаказанно водить ее за нос, обещать и ничего не делать? Еще обидится, станет в позу, надует щеки... Потом хоть на колени становись – ничего не добьешься!

Пришлось начать с комплиментов.

– Ты потрясающе выглядишь!

– Спасибо. Это как-то повлияет на твое поведение?

– Конечно. Но не сегодня.

– Я так и знала...

– Ничего ты не знаешь... Я просто горю желанием встретиться с тобой в укромном месте!

– Что может быть укромнее моей однокомнатной квартиры? – Она взяла Василия за руку и усадила рядом с собой. – Давай... Действуй!

– погоди... Вот найду тех, кто покалечил Анюту, – и стану

грязно домогаться твоего расположения...

– Прости, – Алина наконец переключилась на интересующую его тему. – Совсем забыла... Что там с ней стряслось?

– Дочь нашли в парке. Окровавленную. Без сознания. С поврежденным глазом.

– Жуть... Она будет видеть?

– Хотелось бы надеяться на лучшее, но врач говорит – глаз придется удалить. Но... Если б только это...

– Что еще?

– Анюта в коме, и никто не знает, как вывести ее из такого состояния.

– Какой ужас! Я бы этих подонков... Сама... Собственными руками!

– Вот и я о том же... Только кого?

– И что ты хочешь?

– Для начала узнай, откуда вызвали «скорую». Позавчера в двадцать один тридцать.

– Сейчас попробую...

Она сняла с базы трубку стационарного телефона и набрала чей-то номер.

– Алло... Людочка? Я... Срочно пробей, откуда звонили на ноль-три... Позавчера... Полдесятого вечера...

Через две минуты ответ был готов: с таксофона, установленного напротив городского парка.

Радоваться ему или огорчаться, Егоршин не знал.

Найти прокурорский «лексус» тоже оказалось не просто. Но и не слишком сложно. Для начала пришлось брякнуть Семенову – бессменному водителю УГРО на протяжении двадцати последних лет. Кстати, теперь Василий звонил с телефона, который первым попадет под руку – после того, как неизвестные подслушивали его разговор с Сеницыным – «шифроваться» не было смысла.

– Алло, Слава...

– Я...

– Егоршин беспокоит.

– Ты на часы смотрел?

– Да. Девять с четвертью.

– А на календарь?

– Какой календарь?

– Сегодня суббота, Егорушка! Шеф собирает только в двенадцать. Дай поспать, сволочь!

– На том свете выспимся.

– Логично...

– Ты где свою машину ремонтируешь?

– Нигде. Она у меня на ходу.

– Я не про сегодняшний день. Вообще – когда ломается.

– А... В милицейском гараже. Тебе должно быть известно, что в нашем УВД функционирует ХОЗО. И довольно успеш-

но.

– А прокурорские?

– Ну... У тех своего гаража нет, и они пользуются услугами наших специалистов. Безвозмездно. То есть даром.

– У нас в штате есть и сварщики, и рихтовщики?

– Есть... Но если кто-то разбил машину, то старается отремонтировать ее на стороне, чтобы начальство не узнало. У каждого – своя точка. Например, у меня – ДОСААФ. Там, кстати, и прокурорские часто обретаются.

– Например?

– Игорь – шофер Белокурова. Он парень молодой, неопытный, то крыло царапнет, то бампер раздолбает. Да и сам Александр Евгеньевич в ДОСААФе – частый гость. Женька Оглоблин один из лучших мастеров – то ли одноклассник его, то ли еще какой друг детства...

– Понял... Спасибо, Славусик!

– Ешьте – не обляпайтесь. Только зачем тебе это?

– Товарищ мой «мазду» загнал. Он приезжий – из Курска – и никого в нашем городе не знает.

– Тогда ему прямая дорога к Женьке.

– А у тебя есть его мобильный?

– Конечно! Пиши... Девятьсот десять, шестьсот три, сорок пять, девяносто восемь...

Оглоблин долго не брал сотовый телефон.

– Да! – наконец прохрипел в трубку после третьего звонка, и Егоршин сразу догадался, что вчера у него был тяжелый день.

– Полковник Зубов, – на всякий случай соврал Василий. – ФСБ.

– Слыхал! – уважительно пробормотал Жека.

– Ты в гараже?

– Нет... Вчера загулял конкретно. Буду в одиннадцать.

– Поздновато, блин...

– Что, срочное дельце?

– Ага.

– Тогда ищите другого мастера. Мой бокс все равно занят. Пока туда-сюда – и день закончится. А вам, как я понимаю, терять время не желательно.

– Точно!

– Кто нужен: рихтовщик, моторист, спец по ходовой?

– Да все! В комплексе... А нельзя так: ты ту машину выгоняешь, а мою берешь? И получаешь двойной тариф.

– Отчего нельзя? Можно... Если с Белокуровым договоритесь.

– С Санькой?

– Для кого Санька, а для кого – Александр Евгеньевич...

- Сейчас я ему брякну.
- До обеда можете не суетиться. Он вчера малость выпивши был. Теперь дрыхнет без задних ног.
- Откуда знаешь?
- Да мы вместе отрывались...
- Белокуров? И ты?
- Не верите?
- Сомневаюсь...
- Наши родители – соседи по даче...
- Ясно... Он сам пригнал тебе «Волгу»?
- «Лексус»! «Волгами» оне только на совещания ездеют.
- Ты не ответил на мой вопрос...
- Сам. Толик уже неделю в Египте отдыхает.
- Толик это кто?
- Его водитель.
- И много там работы?
- Хватает...
- Ладно... Давай телефон.
- Чей?
- Другого мастера!
- Хорошо... Пишите... Никитой звать... Он водки не пьет – закодировался недавно!

* * *

«Итак, Белокуров сам пригнал машину в ремонт. Его во-

датель – в отпуске, а другого он брать не хочет. Все правильно... По науке... Когда рыльце в пуху, рядом должны находиться исключительно проверенные (и – желательны – подвязанные) люди.

При чем здесь Синицын? Впрочем, не важно – его равно не допросить...

Значит, впредь будем исходить из того, что за рулем «лексуса» находился сам Александр Евгеньевич... Что нам дает сие предположение? Ровным счетом ничего! Повреждения? Зацепил забор, когда заезжал в гараж... На дочери это никак не отразилось... Ни вывихов, ни переломов...

Я топчусь на месте, а времени все меньше и меньше...

Все равно машину надо сфотографировать. Проанализировать характер повреждений и только потом делать последующие выводы. Следовательно, первым делом – в гараж, а затем? Затем – в “Динамо”, к Строеву, он явно что-то не договаривает... Посидим, выпьем, может, и развяжется тренерский язычок?»

* * *

Общеизвестно, что в «русских селениях» есть люди очень легкие на помине. Только вспомнил – они тут как тут! Звонят, пишут, приезжают...

Таким оказался и тренер Анюты.

Вчера он появился в нужный момент в парке. «На ловца»

и зверь бежит», – сказал тогда Шелягов. И сегодня, не успел Егоршин о нем подумать, как Строев позвонил ему на мобильный. Правда, разобрать то, о чем он говорил, было практически невозможно...

– Василий Дав... Дав... Давыдыч... Я те такое расскажу... В четверг – ик! – Белокуров уехал вместе с Сеницыным – ик! – я как только узнал, что Пашка погиб – сразу к тебе... А они сволочи еще и пугать меня вздумали...

– Где ты сейчас? – заорал майор.

– В «Шайбе»...

– Никуда не выходи, понял?

– Ик!

– Через пять минут буду!

«Обидно, блин! Почти дошел до ДОСААФа, а теперь разворачивайся – и вали в другую сторону...»

Он взмахнул рукой. Реагируя на это движение, «школа-Октавия» из второго ряда включила правый поворот и за миг остановилась прямо у его ног.

«Слава богу, не перевелись еще “грачи”»!

– Давай в «Шайбу»!

– Слушаюсь, товарищ майор!

Черт... За рулем был филер, которого он вырубил вчера за забором промышленной зоны!

– Привет, Серега...

– Здравия желаю!

– Ты по работе или...

– Выходной у меня, Василий Давыдовыч. Как у всех нормальных людей. Это какой-то знак судьбы... После того, что случилось с Шеляговым, я сам к тебе сегодня вечером собирался. Еду на дачу, притормозил у светофора... А тут ты голосуешь...

– Значит, не один Строев легок на помине...

– Это еще кто?

– Тренер Анюты.

– А... Лезя... Я у него тоже немного занимался.

– Все мы, динамовцы, там были.

– Точно!

– Он сидит в «Шайбе», пьяный в жопу, и просто сгорает от желания сообщить мне нечто архиважное...

– Понял!

– Потом мне надо в ДОСААФ и еще в одно местечко...

Так что на дачу ты сегодня не попадешь.

– И хрен с ней, Вася! Я честный мент... И, так же, как ты, устал от беспредела.

– В «Шайбу» я пойду сам...

– Не доверяешь?

– Нет. Боюсь испугнуть ценного свидетеля.

– Хорошо. Подожду на заднем дворе.

– Вот и договорились!

Олег Владимирович сидел в зашторенной кабинке. Перед ним на столе стоял наполовину полный графин водки и целый ряд пустых бутылок из-под пива. В тарелке лежал небольшой кусочек недоеденного пирожка.

Егоршин сел напротив и включил в кармане ультрасовременный диктофон.

– Вчера мне позвонили – и давай угрожать, – начал Строев. – Чтоб с тобой – никаких разговоров, понял, да?

– Кто позвонил?

– Не знаю. Номер был скрыт...

– На сотовый, домашний?

– На мобилу. А потом я узнал, что Синицу застрелили...

– Как узнал?

– Из последнего выпуска новостей местного телевидения.

В двенадцать ночи. А мы с ним – не разлей вода были. Кенты до гроба! Хотел было сразу тебя набрать, но решил дождаться утра...

– Зря...

– Вот... Всю ночь заливал горе. Выпьешь со мной?

– Нет. Не употребляю...

– За упокой души моего лучшего кореша!

– И моего...

– А я и не знал, что Синица был твоим другом...

– Не он – Шелягов...

– Боже мой! И Шелю тоже?

– В новостях об этом ничего не говорили?

– Не знаю... Я выключил телик, как только узнал о смерти

Паши, – он плеснул себе в стакан немного водки и залпом выпил. – Белокуров тогда так нажрался, что не мог идти. Но все равно орал: «Я сам поеду за рулем!» – и баста! А Горшков с Левитиным его отговаривали. Мол, Паша завезет тебя домой. На твоей же машине... Но тот – ни в какую! Тогда они на всякий случай посадили Синицу рядом и дали денег на обратную дорогу. Однако он так и не вернулся... Я звоню: «В чем дело?» А Паша плачет: «Белокуров человека сбил...»

– Спасибо... Спасибо тебе, Олег Владимирович. Ты настоящий друг... А за племяша – не переживай, мы его по любому отмажем, – обещаю!

* * *

– Ну, что он тебе наплел? – первым делом поинтересовался Серега.

– Да все то же... О чем я уже знал... Ты лучше скажи, почему сегодня невозможно заметить слезку?

– А ее нет. Приказано снять!

– За какие заслуги?

– А зачем? После завтра тебя закроют. За превышение служебных полномочий.

– Основания?

– Слишком тяжелы последствия твоей самостоятельности – две смерти... Соответствующее дело уже состряпали в собственной безопасности, в понедельник его одобрит прокуратура, в общем, можешь сушить сухари, товарищ майор...

– Всегда готов!

– Куда сейчас?

– В ДОСААФ!

– Что ты там забыл?

– Надо проведать одного товарища...

– Ладно! Иди. Проведай. Только смотри, без «мокрухи»...

– Не учи отца Камасутре!

* * *

Егоршин приоткрыл дверь гаража и увидел человека в замасленном комбинезоне. Посмотрел на часы. 11—05. Это мог быть уже и Оглоблин... На яме стоял перламутровый «лексус». Его левое крыло мастер успел снять, теперь оно лежало на полу в дальнем углу бокса...

– Здравствуйте, – тихо молвил Василий, продолжая озираться по сторонам.

– Утро доброе...

– Мне вас посоветовал один знакомый.

– Ну и...

– Не могли бы вы посмотреть мою «семерку»... Простите,

как вас зовут?

– Евгений.

– А по отчеству?

– Викторович... Что с ней?

– Ерунда. Помял чуть-чуть задок, когда заезжал в гараж.

Говорят, это можно легко исправить...

– Кто говорит, тот пусть и делает... У меня работы по горло. Хотя, – он неожиданно сменил гнев на милость. – Если вмятина небольшая – ее можно просто выдавить. Пожалуй, я возьмусь... После обеда. Но только при одном условии...

– Каком же?

– Вы должны дать мне небольшой аванс. Рублей сто – не более... Пока я ехал в маршрутке, кто-то «свистнул» кошелек, даже хлеба купить не за что...

– Держите! – Егоршин с удовольствием протянул измятую купюру. Он давно обдумывал, как выманить мастера из бокса, а тот, кажется, сам предлагает ему выход! – И еще сто...

– А это зачем?

– Сгоняйте за пивком, угощаю... А то я вчера перестарался, теперь мучаюсь.

– О, мне это знакомо! Так вот почему вы не попали в ворота гаража!

Они оба рассмеялись.

– У нас прямо на территории недавно ларек открыли. Так что уже через пять минут мы вместе поправим прохудившееся здоровье...

– Жду!

Евгений побежал за вожделенным напитком, а Василий принялся фотографировать поврежденные места «лексуса» на камеру нового мобильного телефона.

Когда мастер вернулся назад, его и след простыл...

* * *

– А теперь – на Щусева! – наказал Егоршин, усаживаясь в «шкоду» рядом с водителем.

– Есть! – бодро рявкнул в ответ Сергей.

– Хочешь посмотреть кино?

– Не против...

Василий включил в телефоне функцию «просмотр фотографий» и поднес монитор к глазам сообщника.

– Что это? – удивился тот.

– Прокурорский «лексус». Отдельно – поврежденное левое крыло...

– Где его так угораздило?

– По всей видимости – на аллее парка.

– Это как-то связано с травмой твоей дочери?

– Боюсь, что да... Хочешь ознакомиться с рабочей версией следствия?

– Давай.

– Похоже, что в тот вечер пьяный Александр Евгеньевич сбил человека. Моя дочь бросилась на помощь потерпевше-

му. Белокуров оттолкнул ее, спрятал труп в багажник и куда-то вывез. Нам надо обзвонить все морги, больницы, травматические пункты, проверить все неопознанные трупы...

– Боюсь, так мы увязнем до конца года...

– А у меня времени – полтора дня.

– Я продолжу твоё дело...

– Не заблудишь?

– Нет.

– Странно...

– Что странного-то?

– Отчего ты вдруг так проникся моими проблемами?

– Имеются основания...

– Расскажи.

– Как ты, должно быть, знаешь, профессиональные разведчики распределены по уровням внедрения. Одни состоят легально в штате седьмого управления МВД, получают звания, зарплату; другие – по утрам сдают свои удостоверения и идут в народ, часто маскируясь под сантехников, электриков, а то и вовсе – бомжей...

– Ты среди которых?

– Не торопи события... На последних однажды нарвался мой родной брат. Когда Пятнистый развалил СССР, он в знак протеста бросил воинскую службу и ушел в запой длиною в жизнь. Похмеляясь с утра в одном из баров, Юрий быстро нашел себе собутыльников – как ему показалось, таких же оборванцев, как он сам, и пригласил их к себе домой,

где быстро отключился и завалился спать. А в квартире – бесценная коллекция воинских наград со всего мира, – наш покойный отец, бывший дипломат, собирал ее полвека... Я был на задании в соседнем областном центре, как вдруг – звонок на мобильный: «Скажи, Юра и вправду твой брат?» – «Да...» – «Тогда мы закрываем хату – и уходим». Лишь недавно я узнал, кто это был...

– Молодцы, ребята! Проявили профсолидарность. Другие бы забрали все ордена-медали – и поминай, как звали!

– Молодцы-то молодцы... А ты не задумался, откуда они узнали, что я тоже служу в разведке?

– Юра рассказал!

– А он ничего не знал об этом.

– Как так?

– Я находился на третьем, самом последнем уровне конспирации – был обычным гражданским человеком, а зарплату получал по почте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.